

БОННИ
ГАРМУС
УРОКИ
ХИМИИ

Роман

Бонни Гармус

Уроки химии

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гармус Б.

Уроки химии / Б. Гармус — «Азбука-Аттикус», 2022

ISBN 978-5-389-22395-0

Все боятся Элизабет Зотт. Кто-то – ее ума, кто-то – остро заточенного карандаша, который она носит в прическе, а кто-то – четырнадцатидюймового ножа из ее сумочки (ведь каждый уважающий себя кулинар пользуется только своими собственными ножами). Причудливый зигзаг судьбы привел ее из Научно-исследовательского института Гастингса, где она мечтала заниматься абиогенезом (теорией возникновения жизни из неорганических веществ), на телевидение, где она ведет самую популярную в стране кулинарную передачу «Ужин в шесть». «Кулинария – это химия, – говорит она. – А химия – это жизнь. Она дает нам возможность изменить все, включая себя». Тем временем ее пятилетняя дочь Мадлен, растущая под присмотром минно-розыскного пса по кличке Шесть-Тридцать, пытается найти в школьной библиотеке Набокова и Нормана Мейлера, а также выстроить родословное древо, на котором должно найтись место и без пяти минут нобелевскому лауреату по химии Кальвину Эвансу, и фее-крестной, и деду в полосатой тюремной робе, и бабке, укрывшейся от налоговой полиции в Бразилии... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-22395-0

© Гармус Б., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	65
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Бонни Гармус

Уроки химии

Bonnie Garmus
LESSONS IN CHEMISTRY

Copyright © 2022 by Bonnie Garmus This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency All rights reserved

© 2022 by Bonnie Garmus This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency All rights reserved

© Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

* * *

**АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР**

БОНИИ
ГАРМУС
**УРОКИ
ХИМИИ**

Роман

Санкт-Петербург

*Моей матери
Мэри Суоллоу Гармус*

Глава 1

Ноябрь 1961 года

В далеком 1961 году, когда женщины носили платья спортивного кроя, вступали в клубы садоводов и ничтоже сумняшеся возили с собой легионы детишек в автомобилях, не оснащенных ремнями безопасности; когда никто еще не задумывался о каком-то движении бушующих шестидесятых, а тем более о его участниках, которые еще шестьдесят лет будут писать мемуары; когда большие войны уже закончились, а тайные войны только начались и люди учились мыслить по-новому, веря, что ничего невозможного нет, тридцатилетняя мать девочки Мадлен Зотт ежедневно поднималась до рассвета с одним-единственным убеждением: жизнь кончена.

Невзирая на такую уверенность, она пошла в лабораторию, чтобы собрать для дочери школьный обед.

«Топливо для учебы», – черкнула Элизабет Зотт на крошечном листке для заметок, перед тем как вложить его в пластмассовый контейнер. Потом застыла с поднятым кверху карандашом, будто передумала. «На перемене играй в подвижные игры, но не отдавай победу мальчишкам», – написала она на следующем листке. Сделав еще одну паузу, постучала карандашом по столу. «Нет, это тебе не кажется, – вывела на третьем. – Люди в большинстве своем ужасны». Два последних листочка она положила сверху.

Маленькие дети обычно читать не умеют, а если и умеют, то лишь отдельные слова: «кот», «сад». Но Мадлен читала с трех лет и теперь, в пятилетнем возрасте, уже освоила почти всего Диккенса.

Вот такой девочкой росла Мадлен: из тех, что могут напеть какой-нибудь концерт Баха, но не умеют завязывать шнурки; из тех, что могут объяснить вращение Земли, но спотыкаются на игре в крестики-нолики. Здесь и крылась некоторая проблема. Если юного музыканта всегда осыпают похвалами, то юного грамотея – никогда. И все потому, что юные грамотеи добились успеха в той области, где со временем преуспеют и все остальные. А значит, того, кто вырвался вперед, ждет не уважение, а только всеобщее раздражение.

Мадлен это понимала. И взяла за правило каждое утро (когда мама уже ушла, а соседка-няня Гарриет на что-нибудь отвлеклась) вытаскивать из пластмассового ланч-бокса эти листки, прочитывать и убирать ко всем остальным запискам – в обувную коробку, задвинутую в недра стенового шкафа. Потом в школе она притворялась такой, как все, то есть, по сути, неграмотной. Для Мадлен важнее всего было не выделяться. У нее имелся железный довод: ее мама выделялась всегда и во всем – вот и полюбуйтесь, к чему это привело.

Там, на юге Калифорнии, в городе Коммонс, где обычно стояла теплая погода, но не слишком теплая, а небо пленяло синевою, но не чересчур синей, и жители дышали чистым воздухом – просто потому, что воздух еще сохранял чистоту, – Мадлен, лежа с закрытыми глазами у себя в спальне, выжидала. Вскоре – она знала – ее ласково поцелуют в лоб, бережно поправят на плечах одеяло и шепнут на ушко: «Живи сегодняшним днем». Еще через минуту она услышит, как затарахтит автомобильный двигатель, как захрустит под колесами «плимута» гравий и как передача с глухим лязгом переключится с задней на первую. И мама, вечно смурная, помчится в телецентр, чтобы надеть передник и выйти в студию.

Программа называлась «Ужин в шесть», и общепризнанной ее звездой была Элизабет Зотт.

Глава 2

Пайн

Некогда ученый-химик, Элизабет Зотт отличалась изумительной кожей и такой манерой держаться, которая безошибочно выдавала в ней незаурядную натуру – из тех, кому не грозит раствориться в общей массе.

Как и любую настоящую звезду, ее открыли. Впрочем, Элизабет заметили не в кафе-мороженом, не на парковой скамье во время случайной прогулки, не при удачном посредстве знакомых. Нет, ее открыли в результате пропаж, а точнее – пропаж съестного.

История была незамысловата: девочка по имени Аманда Пайн, которая любила поесть до такой степени, какая наводит на размышления некоторых психотерапевтов, положила глаз на школьные обеды Мадлен. А все потому, что обеды Мадлен были особенными. Если другие дети жевали сэндвичи с арахисовой пастой или с конфитюром, то Мадлен, открывая свой обеденный контейнер, находила там щедрый ломтик вчерашней лазаньи, жареные цукини, экзотический плод киви, разрезанный на четвертинки, пять круглых, с жемчужным отливом помидоров черри, миниатюрную дорожную солонку с йодированной солью крупного помола, два еще теплых кругляша печенья с шоколадной крошкой и красный клетчатый термосок с холодным как лед молоком.

Из-за такого содержимого ланч-бокс Мадлен соблазнял всех, в том числе и саму Мадлен. Но Мадлен угощала только Аманду, потому что дружба требует жертв, а еще потому, что Аманда, единственная на всю школу, не дразнила Мадлен за ее детские странности, которые та уже и сама подмечала.

Элизабет заподозрила неладное только тогда, когда обратила внимание, что на тщедушной фигурке дочери одежда стала обвисать ветхой тряпицей. Согласно материнским подсчетам, суточный рацион Мадлен в точности соответствовал потребностям оптимального развития, то есть с научной точки зрения потеря веса просто не представлялась возможной. Тогда что же: скачок роста? Нет. В своих расчетах Элизабет учитывала потребности растущего организма. Раннее расстройство пищевого поведения? Очень сомнительно. Дома, за ужином, у Мадлен всегда прорезался зверский аппетит. Лейкемия? Определенно нет. Элизабет никогда не впадала в панику: ей было несвойственно ворочаться без сна по ночам и воображать, как ее дочку подтачивает опасный недуг. Человек науки, она всему искала рациональное объяснение и нашла его в тот миг, когда увидела Аманду Пайн с томатно-красными губками.

– Мистер Пайн, – выпалила Элизабет в среду днем, пулей промчавшись мимо администратора через приемную местного телецентра прямо в студию, – я три дня пытаюсь до вас дозвониться, а вы так и не удосужились хотя бы из вежливости набрать мой номер. Меня зовут Элизабет Зотт. Я мать Мадлен Зотт, наши дети учатся в подготовительном классе начальной школы «Вуди», и цель моего посещения – проинформировать вас о том, что ваша дочь под надуманным предлогом завязала дружбу с моей дочерью. – Поскольку он пришел в полное замешательство, Элизабет пояснила: – И теперь ваша девочка объедает мою дочь.

– Об... объедает? – еле выговорил Уолтер Пайн, разглядывая стоящую перед ним роскошную женщину в белом халате: такое явление могло оказаться сродни сошествию благодатного огня, не будь у нее на халате инициалов «Э. З.», вышитых красными нитками над нагрудным карманом.

– Ваша дочь Аманда, – повторила свой выпад Элизабет, – съедает школьный обед моей дочери, причем уже не первый месяц.

Уолтер только тарасился. Рослая, угловатая женщина стояла подбоченясь: волосы цвета пересушенных тостов с маслом стянуты на затылке в узел и скреплены карандашом, губы беззастенчиво алые, кожа лучистая, нос прямой. Она смотрела на него сверху вниз, как фронтовая медсестра, прикидывающая, стоит ли такого спасать.

– Уже одно то, что Аманда строит из себя подружку Мадлен, чтобы только выманить у нее обед, – продолжала она, – совершенно недопустимо.

– Е... еще раз... П-повторите: кто вы? – пробормотал Уолтер.

– Элизабет Зотт! – рявкнула она в ответ. – Мать Мадлен Зотт!

Уолтер закивал, пытаясь понять, что происходит. Опытный режиссер вечерних телепрограмм, он знал толк в драматических эффектах. Но это? Он не сводил с нее глаз. Женщина была потрясающая. Ее появление его потрясло – буквально. Откуда же она взялась: разве на сегодня назначены какие-то пробы?

– Извините, – выдавил он в конце концов, – но все роли медсестер уже распределены.

– Вы о чем? – вскинулась она.

Наступила долгая пауза.

– Аманда Пайн, – повторила Элизабет.

Он заморгал.

– Моя дочь? Ох... – Уолтер вдруг занервничал. – Что с ней? Вы доктор? Или педагог? – Он вскочил со стула.

– Господи, нет, конечно, – ответила Элизабет. – Я химик. Примчалась сюда из Гастингса в свой обеденный перерыв, потому что вы не отвечаете на звонки. – И, видя, что он по-прежнему в ступоре, пояснила: – Научно-исследовательский институт Гастингса, слышали о таком? Где «Эпохальные Открытия Открывают Эпоху»? – На этом дурацком слогане она выдохнула. – Дело в том, что я всеми силами стараюсь обеспечить Мадлен полноценное питание, – не сомневаюсь, что вы стремитесь к тому же для своей дочери. – И добавила, встретив его бессмысленный взгляд: – Наверняка вам небезразлично умственное и физическое развитие Аманды. Наверняка вы знаете: эти виды развития определяются потреблением должного соотношения витаминов и минералов.

– Беда в том, что миссис Пайн...

– Знаю, знаю. Скрылась в неизвестном направлении. Я пыталась с ней связаться, но мне сказали, что она проживает в Нью-Йорке.

– Мы в разводе.

– Сочувствую, но развод не имеет отношения к школьным обедам.

– Вероятно, так может показаться со стороны, но...

– Мужчина в состоянии приготовить еду, мистер Пайн. Для этого нет биологических препятствий.

– Совершенно верно, – согласился он, нащупывая стул. – Прошу вас, миссис Зотт, присаживайтесь, пожалуйста...

– У меня циклотрон работает, – с досадой бросила она, глядя на часы. – Итак: мы достигли понимания или нет?

– Цикло...

– Резонансный циклический ускоритель тяжелых заряженных частиц.

Элизабет скользнула взглядом по стенам. Они были сплошь увешаны вставленными в рамы постерами мыльных опер и претенциозных телеигр.

– Мои проекты, – сообщил Уолтер, внезапно устыдившись их пошлости. – Быть может, вам что-нибудь из этого знакомо?

Она развернулась к нему лицом.

– Мистер Пайн, – Элизабет перешла на более примирительный тон, – к сожалению, у меня нет ни времени, ни средств на приготовление школьных обедов для вашей дочери. Нам

с вами хорошо известно, что питание – это катализатор мозговой деятельности, укрепления семьи и формирования нашего будущего. Но при этом... – Элизабет осеклась и прищурилась, разглядывая постер с изображением медсестры, оказывающей больному весьма нетривиальную помощь. – Сподобится ли хоть кто-нибудь обучить население страны готовить рациональное питание? Я бы сама за это взялась, да не успеваю. А вы не возьметесь?

Она собралась уходить, и Пайн, не желая ее отпускать и не вполне сознавая, что зреет у него в уме, торопливо заговорил:

– Погодите, прошу вас, остановитесь... пожалуйста. Как... как вы сказали? Насчет того, чтобы приучить всю страну готовить такое питание... рациональное?

Телепрограмма «Ужин в шесть» дебютировала через месяц. Хотя Элизабет, ученый-химик, не особенно вдохновилась этим проектом, отказываться она не стала по очевидным причинам: здесь прилично платили, а ей предстояло поднимать дочь.

В первый же день, когда Элизабет, надев передник, вошла в студию, все убедились: что-то в ней есть – некое ускользящее, однако вполне осязаемое качество. Но при этом она была состоявшейся личностью – такой прямолинейной, такой решительной, что зрители не вполне понимали, как ее трактовать. Если во всех других кулинарных передачах им показывали добродушных поваров, которые лукаво прихлебывают херес, то Элизабет Зотт неизменно сохраняла серьезность. Она никогда не улыбалась. Никогда не шутила. И блюда готовила такие же честные и практичные, как она сама.

Через полгода программа Элизабет взорвала рейтинги. Через год все только о ней и говорили. А через пару лет она доказала поразительную способность объединять не только родителей с детьми, но и граждан – со своей страной. Не будет преувеличением сказать, что по окончании кулинарной передачи Элизабет Зотт вся нация дружно садилась к столу.

Программу эту смотрел даже вице-президент Линдон Джонсон. «Вам интересно, что я *думаю*? – переспросил он, отмахиваясь от назойливого репортера. – Я думаю, вам надо меньше марать бумагу и больше смотреть телевизор. Начните с программы „Ужин в шесть“ – эта Зотт свое дело знает».

И верно. Невозможно было представить, что Элизабет Зотт начнет объяснять, как готовятся миниатюрные огуречные канапе или нежное суфле. Рецепты ее пробуждали здоровый аппетит: рагу, тушеные овощи с мясом и прочие блюда, приготовленные в больших посудилах. Ведущая подчеркивала различия между четырьмя группами продуктов питания. Не возражала против щедрых порций. И пропагандировала только такие блюда, которые готовятся менее чем за час. В конце каждой передачи с экрана звучала коронная фраза: «Дети, накрывайте на стол. Маме нужно немного побыть одной».

Но потом некий авторитетный журналист опубликовал статью под заголовком «Почему мы проглотим все, что она состряпает», где походя назвал ведущую Конфетка Лиззи, и это прозвище, в равной мере броское и точное, прилипло к ней, как газетный лист. С этого дня совершенно незнакомые люди стали окликать ее «Конфетка», но дочь по-прежнему обращалась к ней «мама»: невзирая на свой юный возраст, Мадлен понимала, насколько это клеймо принижает таланты ее матери. Она же ученый-химик, а не какая-нибудь телекухарка. И Элизабет, смотревшая на себя глазами своего единственного ребенка, сторала со стыда.

По ночам, ворочаясь в постели, Элизабет временами удивлялась, как ее угораздило дойти до такой жизни. Но удивление вскоре развеивалось, потому что она давно все поняла.

Звали его Кальвин Эванс.

Глава 3

Научно-исследовательский институт Гастингса

Десятью годами ранее: январь 1952 года

Кальвин Эванс тоже работал в Научно-исследовательском институте Гастингса, но, в отличие от Элизабет, которая трудилась в многолюдном помещении, единолично занимал просторную лабораторию.

Судя по его достижениям, он, возможно, и заслуживал отдельной лаборатории. В девятнадцать лет он поставил ключевые опыты в том исследовании, за которое именитый британский химик Фредерик Сенгер получил Нобелевскую премию¹; в двадцать два года открыл метод ускорения синтеза простых белков; в двадцать четыре попал на обложку журнала «Кемистри тудей» благодаря совершенному им прорыву в изучении активности дибензоселенофена. Кроме того, он опубликовал шестнадцать статей и получил приглашения на десять международных конференций. А также на должность научного сотрудника Гарварда. Дважды. Но отказался. Дважды. Отчасти из-за того, что Гарвард в свое время не принял его на первый курс, а отчасти по той причине... ну, вообще говоря, другой причины не наблюдалось. У Кальвина, блестящего ученого, был определенный недостаток: он долго помнил обиды.

Наряду со злопамятностью молва приписывала ему нетерпимость. Как и многие уникальные личности, Кальвин попросту не мог взять в толк, почему люди не понимают элементарных вещей. Ко всему прочему он был интровертом; это качество само по себе не порок, однако зачастую проявляется как высокомерие. Но что самое скверное: он занимался греблей.

Любой, кто далек от этого увлечения, подтвердит: гребцы – народ специфический. Главным образом потому, что они не желают говорить ни о чем, кроме гребли. Если в одной компании сходятся двое гребцов, то беседа на общие темы, такие как погода или работа, неминуемо сменяется тягостным, бессмысленным обменом мнениями про угол атаки, ускорение, занос, захват, напряжение, расслабление, запрокидывание, прострел банки, стартовое положение, эрг и гладкую воду – была ли она в прошлый раз действительно «гладкой»? Далее, как правило, обсуждается, что пошло не так в последнем заезде, что может пойти не так в следующем и на чьей совести было/будет поражение. В какой-то момент гребцы, вытянув перед собой руки, меряются мозолями. И чтобы совсем уж вас доконать, за этим следуют сопровождаемые благоговейными кивками воспоминания об идеальном заезде, когда все шло как по маслу.

Если не считать химии, гребля была единственной страстью Кальвина. Строго говоря, именно ради гребли он и подавал документы в Гарвард: в 1945 году выступать за команду Гарварда означало выступать за лучших. Точнее, почти за лучших. Самым лучшим был Вашингтонский университет, но Вашингтонский университет территориально относится к Сиэтлу, а второе имя Сиэтла – «Город дождей». Слякоти Кальвин не терпел. По этой причине он расширил свой поиск до английского Кембриджа и тем самым развеял величайшее заблуждение насчет ученых-естествоиспытателей, которые, как принято думать, способны к научному анализу.

В первый же тренировочный день на реке Кэм Кальвин угодил под дождь. На второй день тоже. И на третий. «Здесь что, все время так поливает?» – жалобно вопрошал он, когда их команда, взвалив на плечи тяжелую деревянную восьмерку, направлялась к пирсу. «Да вовсе нет, – заверяли однокашники, – обычно в Кембридже сухо». А потом переглядывались, мыс-

¹ ...именитый британский химик Фредерик Сенгер получил Нобелевскую премию... – Фредерик Сенгер (1918–2013) – единственный в истории дважды лауреат Нобелевской премии по химии (1958 и 1980 гг.). С 1962 г. заведовал кафедрой химии на факультете биохимии Кембриджского университета.

ленно добавляя «по самое ухо», и укреплялись в своем извечном подозрении: американцы – идиоты.

К несчастью, идиотизм Кальвина распространялся и на отношения с противоположным полом, что выросло в серьезную проблему из-за его горячего желания влюбиться. За шесть лет студенческого одиночества он сумел назначить свидания пяти девушкам. Из этой пятерки всего одна согласилась на повторную встречу, да и то лишь потому, что по телефону приняла его за другого. Все упиралось в неопытность Кальвина. Он напоминал щенка, который после долгих стараний впервые поймал белку и теперь не знает, что с ней делать.

– Здравствуйте... э-э-э... – начал он, когда девушка открыла ему дверь, и почувствовал, как у него колотится сердце, потеют ладони и улечиваются все мысли. – Дебби?

– *Дейдрэ*, – вздохнула его избранница и в первый, но отнюдь не в последний раз украдкой взглянула на часы.

За ужином разговор блуждал между такими темами, как молекулярное строение кислот ароматического ряда (Кальвин) и ближайшие киносеансы (*Дейдрэ*), неактивные белки (Кальвин) и его любимые или нелюбимые танцы (*Дейдрэ*) и застопорился на «времени-то уже полдевятого, а утром гребля, пора домой, идем, я тебя провожу» (Кальвин).

Стоит ли говорить, что после таких свиданий бурного секса не случалось. И никакого другого тоже.

– Не верится, что у тебя проблемы, – говорили ему товарищи по кембриджской команде. – Девчонки обожают гребцов. – (Бессовестная ложь.) – Ты хоть и американец, но парень хоть куда. – (Еще одна ложь.)

Источником проблем Кальвина отчасти была его осанка. При росте под два метра он, худощавый и долговязый, вечно клонился набок, – видимо, сказывалось его постоянное место в распашной лодке. Но еще хуже обстояло дело с лицом. На нем застыло одиночество, как у ребенка, предоставленного самому себе: большие голубые глаза, непослушные светлые вихры и лиловатые губы, вечно распухшие из-за его привычки их кусать. Такое лицо некоторые сочтут невзрачным, оно представляло собой композицию качеством ниже среднего, ничем не выдававшую ни тайного желания, ни скрытого интеллекта; спасала положение лишь одна важнейшая черта – зубы: ровные, белые, при каждой улыбке озарявшие весь его физиономический ландшафт. Хорошо еще, что Кальвин, в особенности после того, как запал на Элизабет Зотт, улыбался постоянно.

Познакомились они, а точнее, обменялись парой ласковых как-то утром, во вторник, в Научно-исследовательском институте Гастингса, в том частном храме науки солнечной Южной Калифорнии, где Кальвин, выпускник Кембриджа, в кратчайшие сроки защитивший диссертацию и получивший сорок три предложения трудоустройства, выбрал для себя лабораторию – отчасти руководствуясь репутацией учреждения, но в основном из-за атмосферных условий. В Коммонсе почти не бывало дождей. Элизабет, в свою очередь, выбрала Гастингс потому, что единственное предложение работы поступило ей именно оттуда.

Стоя под дверью лаборатории Кальвина Эванса, она заметила несколько объявлений подряд, написанных крупными буквами:

НЕ ВХОДИТЬ

ПРОВОДИТСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ

ВХОД ВОСПРЕЩЕН

НЕ ПРИБЛИЖАТЬСЯ

В конце концов Элизабет заглянула внутрь.

– Здравствуйте! – выкрикнула она, перекрывая Фрэнка Синатру, гремевшего из портативного проигрывателя, почему-то стоявшего на полу в центре помещения. – Мне нужно переговорить с начальством.

Из-за большой центрифуги высунулась голова Кальвина, удивленного чужим голосом.

– Прошу прощения, мисс, – раздраженно прокричал он в ответ, глядя сквозь герметичные очки, которые защищали его глаза от бурлящей где-то справа жижи, – но сюда посторонним вход воспрещен! Вы что, объявлений не видели?

– Видела! – рявкнула Элизабет и, не обращая внимания на его тон, двинулась напрямик через всю лабораторию, чтобы вырубить музыку. – Так-то лучше. Мы хотя бы услышим друг друга.

Кальвин пожевал губы и указал пальцем на дверь.

– Вам здесь находиться не положено, – сказал он. – Читайте объявления.

– Да-да, хорошо, но дело в том, что у вас в лаборатории, насколько я знаю, имеются лишние колбы, а у нас, внизу, их остро не хватает. Здесь все указано. – Она сунула ему какой-то бланк. – С визой начальника административно-хозяйственной части.

– Впервые слышу, – пробормотал Кальвин, изучая документ. – Я, конечно, извиняюсь, но нет. У меня каждая колба на счету. Думаю, мне стоит переговорить с кем-нибудь из химиков. Скажите своему завлабу, пусть сюда позвонит.

Щелчком включив проигрыватель, Кальвин вернулся к работе. Элизабет не шелкнулась.

– Желаете переговорить с кем-нибудь из химиков? Но только НЕ СО МНОЙ? – Своим криком она заглушила Синатру.

– Именно так! – ответил Кальвин, но тут же смягчился. – Слушайте, я понимаю, вы не виноваты, что начальство поручило щекотливое дело секретарше. Я понимаю: вам, наверное, трудно это осмыслить, но у меня в разгаре очень серьезный эксперимент. Так что сделайте одолжение – передайте своему боссу: пусть он мне позвонит.

Элизабет прищурилась. Она не жаловала тех, кто делал выводы на основании давно устаревших, по ее мнению, визуальных стимулов, как не жаловала мужчин, полагающих – будь она хоть трижды секретаршей, – что секретарша не способна осмыслить других слов, кроме «распечатайте в трех экземплярах».

– Какое совпадение! – выкрикнула она, подходя к стеллажу, и подхватила большую корбку с колбами. – У меня тоже масса дел.

И решительно вышла в коридор.

В штате Научно-исследовательского института Гастингса числилось более трех тысяч сотрудников; по этой причине Кальвин целую неделю не мог ее разыскать, а когда нашел, она вроде бы его не узнала.

– Да? – Элизабет обернулась, чтобы посмотреть, кого это к ней принесло; защитные очки увеличивали ее глаза, а большие резиновые перчатки скрывали руки по локоть.

– Привет, – сказал он. – Это я.

– Я? – переспросила Элизабет. – Нельзя ли поточнее?

И вернулась к работе.

– Я, – подтвердил Кальвин. – С шестого этажа, помните? Вы еще забрали у меня колбы.

– Вас не затруднит отойти за ширму? – попросила она, склоняя голову налево. – На той неделе у нас произошла небольшая авария.

– Вас непросто найти.

– Позвольте, – сказала она. – Сейчас у меня в разгаре очень серьезный эксперимент.

Он терпеливо ждал, пока она снимала необходимые показания, вносила все данные в журнал, просматривала вчерашние результаты и выходила в туалет.

– Вы все еще здесь? – удивилась она по возвращении. – Работой недогружены?

– Работы у меня горы.

– Колбы назад не получите.

– Ага, значит, вы меня узнали.

– Узнала. Но без особой радости.

– Я пришел извиниться.

– Это лишнее.

– Может, пообедаем вместе?

– Нет.

– Тогда поужинаем?

– Нет.

– Кофе?

– Слушайте, – Элизабет уперлась в бока руками в объемных резиновых перчатках, – неужели не ясно, что вы начинаете действовать мне на нервы?

Кальвин в смущении отвел глаза.

– Искренне прошу меня извинить, – выдавил он. – Ладно, я пошел.

– Это был Кальвин *Эванс*? – поразился техник-лаборант, глядя ему вслед: Кальвин петлял между столами пятнадцати сотрудников, теснившихся в помещении раза в четыре меньше его лаборатории. – Что его к нам привело?

– Пустяковая недостача лабораторной посуды, – ответила Элизабет.

– Лабораторной посуды? – смешался лаборант. – Погоди. – Он взял со стола новехонькую колбу. – Из той громадной коробки, которую ты якобы нашла на прошлой неделе? Они принадлежали *ему*?

– Я не говорила, что «нашла» колбы. Я сказала «раздобыла».

– Стырила у Кальвина Эванса? – переспросил он. – Ты спятила?

– Не совсем.

– Это его подарок?

– Не совсем.

– Он сам разрешил тебе их забрать?

– Не совсем. Но у меня была утвержденная заявка.

– Какая еще заявка? Разве ты не знаешь, что тебе не положено действовать через мою голову? Знаешь ведь, что заказ лабораторной посуды – мое дело.

– Знаю. Но я ждала три с лишним месяца. Обращалась к тебе четыре раза; пять раз писала заявку, подходила к доктору Донатти. Исчерпала все возможности, честное слово. Мое исследование зависит от бесперебойного снабжения. Это же простые колбы!

Лаборант закрыл глаза.

– Послушай... – выговорил он и медленно разомкнул веки, словно желая подчеркнуть ее тупость. – Я работаю здесь столько, сколько люди не живут. Ты хотя бы знаешь, чем известен Кальвин Эванс? Кроме научных достижений?

– Знаю. Излишками лабораторной посуды.

– Ничего подобного, – сказал он. – Своей злопамятностью. Злопамятностью!

– Вот как? – Она вдруг оживилась.

Элизабет Зотт и самой случалось таить обиду. Впрочем, ее претензии в основном адресовались патриархальному обществу, стоявшему на том, что женщина – существо со знаком минус. Способности – в минусе. Интеллект – в минусе. Изобретательность – в минусе. Это общество считало, что мужчины должны ходить на работу и вершить серьезные дела: открывать планеты, развивать производство, отдавать себя законотворчеству, а женщинам надлежит сидеть дома и заниматься детьми. Сама она детей не хотела – знала за собой такую особенность, но знала она и то, что многие женщины хотят реализоваться не только в детях, но еще и в профессии. А что в этом плохого? Да ровным счетом ничего. Мужчинам ведь доступно и то и другое.

Недавно она прочла, что в какой-то стране работают и отцы, и матери, воспитывая детей на равных. О какой же стране шла речь? О Швеции, что ли? Вылетело из головы. Но в конечном счете такая система функционирует очень даже неплохо. Производительность труда растет, семья укрепляется. Ей нравилось воображать себя частицей такого общества. Такого места, где она не будет автоматически восприниматься как секретарша, а будет выступать с докладами о своих открытиях, не боясь, что мужчины посмотрят на нее свысока или, еще того хуже, присвоят ее труды. Элизабет покачала головой. В вопросах равенства 1952 год сулил только глубокое разочарование.

– Ты должна перед ним извиниться, – настаивал техник-лаборант. – Когда понесешь назад эти треклятые колбы, бухнись ему в ноги. Ты поставила под удар всю лабораторию и осрамила меня лично.

– Все будет нормально, – сказала Элизабет. – Подумаешь, колбы.

Однако наутро колбы исчезли: остались лишь брезгливые взгляды нескольких ее коллег-химиков: они теперь тоже уверовали, будто Элизабет навлекла на них пресловутую злопамятность Кальвина Эванса. Она пыталась с ними поговорить, но каждый отшивал ее на свой манер, а позже до нее не раз долетали шепотки той же самой компании злопыхателей, перемывавших ей кости: уж больно серьезно к себе относится, ставит себя выше каждого из них, не желает с ними знаться, даже с холостяками. А диплом Калифорнийского университета определенно получила известным способом: при этом слова «известным способом» неизменно сопровождались скабрёзными жестами и натянутыми смешками. И вообще: кем она себя возмнила?

– Кто-нибудь должен поставить ее на место, – сказал один.

– Умной прикидывается, – твердил другой.

– Сучка она, – припечатал знакомый голос.

Голос ее босса, Донатти.

Элизабет, привыкшая к высказываниям первого типа, но убитая последним и захлестнутая волной дурноты, вжалась в стену. Второй раз в жизни ее обозвали этим словом. В первый раз – в тот кошмарный первый раз – она услышала его в Калифорнийском университете.

Дело было два года назад. Без пяти минут обладательница степени магистра, она за несколько дней до выпуска задержалась в лаборатории после девяти вечера в полной уверенности, что нашла ошибку в протоколе эксперимента.

Постукивая по листу бумаги остро заточенным карандашом второй твердости, она услышала, как отворилась дверь.

– Кто там? – спросила Элизабет: она никого не ждала.

– Вы еще здесь, – без тени удивления произнес чей-то голос.

Ее научный руководитель.

– Ой. Здравствуйте, доктор Майерс. – Она подняла взгляд. – Да. Перечитываю методику завтрашнего эксперимента. Кажется, нашла ошибку.

Дверь отворилась немного шире, и он переступил через порог.

– А кто вас просил? – бросил он резким от досады голосом. – Вам было ясно сказано: план утвержден в настоящем виде.

– Да, я помню, – сказала она. – Но мне хотелось напоследок все проверить.

«Проверка напоследок» не относилась к любимым занятиям Элизабет: та выполняла ее по обязанности, просто чтобы удержаться в полностью мужском научном коллективе Майерса. Исследования шефа не вызывали у нее особого интереса: Майерс занимался беспроблемными, надежными проектами, не стремясь к покорению научных высот. Невзирая на явный дефицит творческого начала и настораживающее отсутствие новых достижений, Майерс слыл одним из ведущих американских специалистов в области изучения ДНК.

Элизабет недолюбливала Майерса, как и все остальные. За исключением, вероятно, Калифорнийского университета, который носил его на руках за рекордное количество публикаций в данной области. В чем заключался секрет Майерса? Он сам не писал научных трудов – этим занимались его магистранты. А ему доставались лавры буквально за каждое слово; он лишь изредка чуть изменял заглавие и пару предложений, чтобы выдать текст за совершенно другую статью, в чем изрядно преуспел, – кому придет в голову въедливо читать научные публикации? Никому. Список печатных трудов Майерса только ширился, и одновременно ширилась его известность как ученого. Собственно, это и сделало Майерса лидером в исследовании ДНК: количество написанного.

Помимо своего таланта штамповать поверхностные статейки, он снискал славу бабника. На естественнонаучных факультетах Калифорнийского университета женщин было раз-два и обчелся, но и тех немногих, в основном секретарш, он не обходил своим назойливым вниманием. Примерно раз в полгода увольнялась – якобы по личным обстоятельствам – очередная сотрудница: деморализованная, с припухшими глазами. Но Элизабет не ушла – не смогла себе этого позволить: ей позарез нужна была магистерская степень. По этой причине она терпела ежедневные унижения: поглаживания, соленые словечки, непристойные предложения, но ясно давала понять, что это ей неинтересно. Вплоть до того дня, когда руководитель вызвал ее к себе в кабинет – якобы для того, чтобы обсудить возможности ее поступления к нему в аспирантуру, а сам вместо этого полез к ней под юбку. Элизабет в ярости оттолкнула его руку и пригрозила, что будет жаловаться.

– Кому? – хохотнул Майерс, упрекнул ее в занудстве, шлепнул по заднице и велел подать ему пальто, прекрасно зная, что за дверцей стенового шкафа она увидит галерею девиц: одни выставляли напоказ бюсты, другие лежали с раскинутыми ногами, а третьи тупо стояли на четвереньках, победно припечатанные сверху мужским ботинком.

– Да вот же, здесь, – ответила она доктору Майерсу. – Страница двести тридцать два, стадия девяносто первая. Я практически уверена, что при такой высокой температуре ферменты потеряют активность и все результаты пойдут насмарку.

Доктор Майерс наблюдал за ней с порога.

– Вы кому-нибудь это показывали?

– Нет, – сказала она. – Сама только что заметила.

– Ага, значит, с Филлипом еще не переговорили.

Филлип был у него старшим научным сотрудником.

– Не успела, – подтвердила Элизабет. – Он только что ушел. Но я сейчас побегу и, возможно...

– Это лишнее, – перебил он. – Еще кто-нибудь в лаборатории есть?

– По-моему, нет.

– Методика верна, – жестко отрезал Майерс. – Вы в этом вопросе не компетентны. Прекратите ставить под сомнение мой авторитет. И не вздумайте с кем-нибудь делиться своими соображениями. Понятно?

– Я только хотела помочь, доктор Майерс.

Он посмотрел на нее, словно оценивая правдивость этих слов.

– Ваша помощь будет мне весьма кстати, – откликнулся он.

А затем повернулся спиной и запер дверь.

Первый удар был нанесен открытой ладонью: от этой пощечины голова Элизабет дернулась влево, как мячик на резинке. Едва не задохнувшись от боли, она все же сумела выпрямиться: из губы текла кровь, глаза расширились от шока. Майерс поморщился, будто недовольный результатом, и ударил заново, на сей раз сбив ее с табурета на пол. Его отличало грузное телосложение: весил он за сто кило, и сила удара объяснялась отнюдь не физической подготовкой, а избыточной массой тела. Наклонившись к лежащей на полу Элизабет, он схватил ее поперек живота, вздернул, как подъемный кран – бесформенную связку бревен, и швырнул на тот же табурет, словно тряпичную куклу. Потом развернул к себе спиной, вышиб из-под нее табурет и впечатал ее лицом в лабораторный стол из нержавеющей стали.

– Не дергайся, сучка! – рявкнул он, когда она стала вырываться; его толстые пальцы поползли ей в трусы.

В рот Элизабет проникал металлический привкус, а Майерс вонзался в нее раз за разом, одной рукой задирая ей юбку, а другой терзая чувствительную кожу на внутренней стороне бедер. Прижатая лицом к столу, она задыхалась и даже не могла позвать на помощь. Как угловатая в силки лань, она отчаянно брыкалась, но ее неповиновение бесило его еще сильнее.

– Не смей вырываться, – угрожающе прохрипел он, роняя капли пота ей на бедра.

Но во время его толчков она сумела высвободить руку.

– Не дергайся! – услышала она.

Он вконец разъярился оттого, что она извивается, вскрикивая от боли, и всей своей грушевидной тушей навалился на ее расплющенное в лепешку тело. В завершающей попытке напомнить, кто здесь хозяин, он вонзился в нее, как пьяный бомж, и удовлетворенно застонал, но стон тут же сменился воплем раненого зверя.

– Черт! – взвыл Майерс, отшатываясь от Элизабет. – Что это было?

Ужаленный в правый бок, он оттолкнул ее в сторону, не понимая, откуда что взялось. Опустив глаза на свое рыхлое брюхо, Майерс увидел только небольшой розовый ластик, торчащий из правой подвздошной области. Вокруг собирался узкий кровавый обод.

Простой карандаш второй твердости. Элизабет нащупала его свободной рукой и вонзила Майерсу в бок. Не кончик, а весь целиком. Остро заточенный грифель, привычная желтоватая древесина, блестящий золотой ободок – семидюймовый стержень на все семь дюймов вошел ему в брюхо. Одним ударом Элизабет пронзила толстый и тонкий кишечник, одновременно загубив свою научную карьеру.

– И часто ты сюда навещаешь? – спросил университетский полисмен, когда «скорая» увезла доктора Майерса. – Предъяви студенческий билет или другое удостоверение личности.

В разорванной одежде, с трясущимися руками и проступающим на лбу синяком, она выдержала его взгляд, не веря своим ушам.

– Вопрос по существу, – добавил полисмен, – зачем девушке в такое время суток идти в лабораторию?

– Я обучаюсь в м-магистратуре, – пробормотала она, боясь, как бы ее не вырвало. – На химфаке.

Полисмен выдохнул, показывая, что не желает тратить время на всякие глупости, и достал из кармана небольшой блокнотик.

– Ну, излагай *свою версию*.

Глухим от потрясения голосом Элизабет сообщила ему подробности. Он делал вид, что записывает, но когда отвернулся, чтобы сказать своему сослуживцу «Спокойно, все под контролем», она заметила, что страница пуста.

– Прошу вас. Мне... мне нужен врач.

Полисмен захлопнул блокнот.

– Не хочешь принести официальные извинения? – Он обвел глазами ее юбку, будто сама ткань красноречиво свидетельствовала о низменных женских намерениях. – Ты нанесла мужчине колотую рану. Тебе же лучше будет, если покаешься.

Она уставилась на него опустошенным взглядом:

– Вы... вы не так поняли. Он на меня напал. Я... я защищалась. Мне нужен врач.

Полицейский еще раз выдохнул.

– Значит, официального покаяния не будет? – уточнил он и щелкнул шариковым стержнем.

Дрожа всем телом, Элизабет не сводила с него глаз и не находила сил прикрыть рот. Она посмотрела на свое бедро, где остался бледно-лиловый отпечаток ладони Майерса, и едва сдержала рвоту.

Полисмен, как она успела заметить, взглянул на часы. Это мимолетное движение стало последней каплей. Протянув руку, Элизабет выхватила у него свой студенческий билет.

– Да, сержант, – выговорила она голосом, натянутым, как колючая проволока. – Я подумала и хочу выразить сожаление.

– Так-то лучше, – последовал ответ. – Хоть какие-то подвижки. – Он щелчком выдвинул стержень. – Давай послушаем.

– Карандаш, – сказала она.

– Карандаш, – повторил он, записывая.

Она подняла голову и поймала на себе его взгляд: у нее с виска текла струйка крови.

– Я сожалею, что у меня был всего один.

Физическое насилие, или «досадный инцидент» – так выразилась приемная комиссия аспирантуры перед тем, как отклонить ее заявление, – спровоцировала она сама. Доктор Майерс поймал ее на мошенничестве. Она пыталась фальсифицировать протокол эксперимента, чтобы извратить результаты исследования, – у профессора имелись доказательства, а когда он ее уличил, бросилась к нему и стала предлагать секс. Видя, что это на него не действует, она полезла в драку и, воспользовавшись его растерянностью, вонзила ему в живот карандаш. Профессор чудом остался жив.

Почти никто не купился на эту историю. У доктора Майерса была совершенно определенная репутация. Но при этом он считался особо ценным сотрудником, а Калифорнийский университет не мог разбрасываться кадрами такого масштаба. Элизабет осталась не у дел. Выпуск-

ная квалификационная работа магистра засчитана. Гематомы рассосутся. Кто-нибудь напишет ей характеристику для трудоустройства. Свободна.

Так и получилось, что устроилась она в Научно-исследовательский институт Гастингса. И в данный момент стояла рядом с институтской комнатой отдыха, вжавшись в стену и мучаясь от дурноты.

Подняв глаза, она увидела перед собой техника-лаборанта.

– Ты чего, Зотт? – спросил он. – Видок у тебя, прямо скажем...

Элизабет не отвечала.

– Я перед тобой виноват, – признал он. – Дались мне эти колбы. А парни, – продолжал он, кивая в сторону комнаты отдыха (и явно подслушав разговор), – они же так, по-свойски. Забудь.

Но забыть не получилось. Буквально на следующий день их босс, доктор Донатти, тот, что сказал о ней «сучка», объявил о ее переводе в другую группу.

– Там попроще будет, – добавил он. – Текущий проект тебе не по уму.

– За что так, доктор Донатти? – спросила она. – Разве я запророла работу?

Она была мозговым центром текущего проекта, и в результате их группа уже подготовила публикацию по материалам исследования. Но Донатти указал ей на дверь. Наутро она получила элементарное задание из области изучения аминокислот.

Видя ее растущую неудовлетворенность, лаборант спросил, зачем ей вообще идти в науку.

– Я не собираюсь идти в науку, – ответила она. – Я уже пришла!

А про себя решила, что не позволит ни какому-то калифорнийскому хряку, ни своему боссу, ни горстке недоумков стоять у нее на пути. Ей было не впервой сталкиваться с внешними факторами. Преодолеет она и новые.

Но внешние факторы, даром что называются внешними, разъедают человека изнутри. Шли месяцы; ее характер вновь и вновь испытывали на прочность. Единственное, что приносило ей хоть какую-то радость, – это театр, но даже он порой оборачивался разочарованием.

Дело было в субботу вечером, две недели спустя после инцидента с колбами. Она купила билет на «Микадо» – говорили, веселая комическая опера. Это посещение давно было у нее в планах, но по ходу действия она убеждалась, что ничего смешного тут не находит. Куплеты – расистские, актеры все как один – белые, да к тому же сразу понятно, что на главную героиню взвалют чужие грехи. Эта ситуация напоминала ей о работе. Чтобы не портить себе настроение, она решила досидеть до антракта и уйти.

По воле случая в зале присутствовал Кальвин Эванс; уделяй он побольше внимания развитию сюжета, они с Элизабет, возможно, сошлись бы в оценках. Но нет: он пришел на первое свидание с референткой биологического сектора и уже пресытился до тошноты. С этой девицей вышел казус: она сама зазывала его в оперетту, решив, что у такого светила денег куры не клюют, а он от удушливого запаха ее парфюма пару раз моргнул, и она истолковала это как «с удовольствием».

Дурнота стала подступать уже в первом акте, а к концу второго достигла критической точки.

– Прости, – шепнул Кальвин, – мне нехорошо. Пойду я.

– То есть как? – Она заподозрила неладное. – По-моему, ты выглядишь прекрасно.

– Мутит – сил нет, – прошелестел он.

– Извиняюсь, конечно, но это платье куплено ради сегодняшнего выхода в свет, – возмутилась она, – и я буду его выгуливать все четыре часа.

Он протянул пару банкнот на такси в направлении ее изумленного лица, выскочил в фойе и, держась одной рукой за готовый взорваться живот, помчался к туалетам.

По воле того же случая одновременно с ним в фойе вышла Элизабет, тоже направлявшаяся в туалет. Но при виде длинной очереди она с досадой повернула обратно и столкнулась нос к носу с Кальвином, которого тут же стошнило прямо на нее.

– Боже мой... – прохрипел он между спазмами. – Господи...

Быстро оправившись от первого потрясения, Элизабет оставила без внимания испорченное платье и в утешение несчастному положила руку на его согбенную спину, даже не разобравшись, кто это такой.

– Мужчине плохо, – обратилась она к очереди. – Вызовите, пожалуйста, врача.

Но никто не откликнулся. Всю очередь как ветром сдуло от тяжелого запаха и надсадных всхлипов.

– Боже мой... – раз за разом повторял Кальвин. – О боже...

– Я сейчас принесу бумажное полотенце, – мягко сказала Элизабет. – И вызову такси. – А потом, внимательно присмотревшись, спросила: – Мы с вами, случайно, не знакомы?

Через двадцать минут она уже помогала ему войти в дом.

– Поскольку никто больше не пострадал, думаю, распыление дифениламинарина можно исключить, – сказала она.

– Химическое оружие? – ахнул он, держась за живот. – Нет, вряд ли.

– Видимо, что-то не то съели, – сказала Элизабет. – Похоже на пищевое отравление.

– Ох, – простонал он. – Какой позор. Очень прошу меня извинить. Ваше платье... Я оплачу химчистку.

– Ничего страшного, – сказала Элизабет. – Слегка забрызгано, вот и все.

Она усадила его на диван, и Кальвин мешком повалился на бок.

– Не... не припомню, когда меня в последний раз так выворачивало. Тем более на людях.

– Бывает.

– А ведь я пришел на свидание, – выдавил он. – Представляете? И был вынужден оставить ее в зале.

– Нет, не представляю, – ответила она, пытаясь вспомнить, когда в последний раз ходила на свидание.

Пару минут они молчали, потом он закрыл глаза.

Она поняла, что ей пора уходить.

– Еще раз прошу меня простить, – выдохнул он, услышав, что она идет к дверям.

– Я вас умоляю. Не нужно извиняться. Это была реакция, химическая несовместимость. Мы же ученые. Нам ли этого не понимать?

– Нет, нет, – слабо запротестовал он, желая прояснить недоразумение. – Я о том, что в тот раз принял вас за секретаршу... и распорядился, чтобы мне позвонил ваш начальник. Мне так стыдно.

Она не нашлась с ответом.

– Нас даже официально не представили, – выговорил он. – Я – Кальвин Эванс.

– Элизабет Зотт, – ответила она, собираясь домой.

– Ну что ж, Элизабет Зотт, – он даже сумел изобразить тонкую улыбку, – теперь вы палочка-выручалочка.

Но она явно не расслышала.

– Мои работы в области ДНК были посвящены полифосфорным кислотам в качестве конденсирующих агентов, – через неделю сообщила она Кальвину за чашкой кофе в инсти-

тутской столовой. – И до недавних пор все шло по нарастающей. Однако месяц назад меня отстранили. Перевели на исследование аминокислот.

– Но почему?

– Донагги... вы ведь тоже работаете под его началом? Так вот, он решил, что моя тема бесперспективна.

– Но изучение конденсирующих агентов очень важно для лучшего понимания ДНК...

– Да знаю я, знаю, – согласилась она. – На эту тему я собиралась писать диссертацию. Хотя на самом-то деле меня больше всего интересует абиогенез.

– Абиогенез? Теория возникновения живых организмов из неорганических веществ? Увлекательная штука. Но вы так и не защитились.

– Это верно.

– Абиогенезом обычно занимаются остепененные специалисты.

– Я защитила магистерскую диссертацию по химии. В Калифорнийском университете.

– Ох уж эта вузовская наука, – сочувственно покивал Кальвин. – Она давно себя изжила.

И вы захотели двигаться дальше.

– Не совсем так.

Последовало неловкое молчание.

– Слушайте... – Сделав глубокий вдох, Элизабет начала заново. – Моя гипотеза насчет полифосфорных кислот сводится к следующему.

Сама того не сознавая, она проговорила с ним более часа; Кальвин кивал, делал пометки, изредка задавал уточняющие вопросы, на которые она с легкостью отвечала.

– Можно было пойти дальше, – заметила она, – но, как я уже сказала, меня «перебросили». А до этого чинили всякие препоны: даже снабжение простейшим инвентарем, необходимым для моей работы, практически перекрыли.

Дело дошло до крайности, пояснила она: ее вынуждали воровать оборудование и реактивы в других лабораториях.

– Но откуда проблемы со снабжением? – удивился Кальвин. – Гастингс – богатая организация.

Во взгляде Элизабет читалось, что он спросил примерно следующее: почему в Китае при таких площадях орошаемых рисовых полей голодают дети?

– Из-за дискриминации по признаку пола, – ответила она, вертя в пальцах карандаш второй твердости (который теперь всегда носила при себе – либо за ухом, либо в прическе) и со значением барабаня им по столу. – А также по общественно-политическим мотивам вследствие фаворитизма, неравенства и всеобщей несправедливости.

Кальвин пожевал губы.

– Но главным образом из-за дискриминации по признаку пола.

– При чем тут дискриминация по признаку пола? – невинно спросил он. – Кому мешают женщины-ученые? Ерунда какая-то. Чем больше специалистов, тем лучше.

Элизабет изучала его, не веря своим ушам. Кальвин Эванс производил на нее впечатление неглупого человека, но сейчас до нее дошло, что есть люди, которые неглупы лишь в одном, узком смысле. Она пригляделась к нему повнимательнее, словно оценивая возможность до него достучаться. Потом собрала волосы обеими руками, дважды скрутила их на макушке. И скрепила узел карандашом.

– Когда вы учились в Кембридже, – осторожно начала она, – среди ваших преподавателей много было женщин?

– Ни одной. Это был чисто мужской колледж.

– Ага, понятно, – сказала она. – Зато, разумеется, в прочих колледжах у женщин были равные права с мужчинами, верно? Итак, скольких женщин-ученых вы знаете? Только не называйте мадам Кюри.

Судя по его ответному взгляду, он заподозрил некий подвох.

– Проблема в том, Кальвин, – твердо произнесла она, – что половина населения оказывается лишней. И дело не в том, что меня обделяют необходимыми для работы предметами снабжения, а в том, что женщинам недоступна подготовка, необходимая им для самореализации. И даже если у них есть высшее образование, то всяко не кембриджского уровня. Следовательно, они никогда не получают таких возможностей, какие открыты для мужчин, и не заслужат равного с ними уважения. Женщины начинают с самых нижних ступеней и там же остаются. Про оплату их труда и говорить нечего. А все потому, что они не учились в вузе, куда их, на минуточку, не принимают.

– Вы хотите сказать, – с расстановкой выговорил он, – что женщин, которые видят себя в науке, на самом деле больше?

У нее расширились глаза.

– Конечно нас больше! Мы видим себя в науке, в медицине, в бизнесе, в музыке, в математике. Назовите любую область. – Тут она выдержала паузу, так как, по правде говоря, среди ее подруг и соучениц лишь считанные единицы видели себя в науке или в любой другой сфере деятельности. Большинство ее однокурсниц признавались, что их цель – выскочить замуж. Это было прискорбно: можно подумать, они все опились каким-то зельем, на время лишившим их рассудка.

– Но вместо этого, – продолжила она, – женщины сидят по домам, рожают детишек и выбивают ковры. Это узаконенное рабство. Даже если женщина сознательно выбирает для себя роль хранительницы очага, труд ее зачастую не ценится вовсе. Мужчины, похоже, считают, что у среднестатистической матери пятерых детей главный вопрос дня лишь один: какого цвета выбрать лак для маникюра?

Вообразив пятерых детей, Кальвин содрогнулся.

– Что касается вашей работы, – сказал он, чтобы направить дискуссию в другое русло, – думаю, я смогу исправить положение.

– Мне не нужны ваши исправления, – отрезала Элизабет. – Я сама способна исправить все, что нужно.

– Ошибаетесь.

– Прошу прощения?

– Вы не способны исправить положение по той причине, что этого не допускает устройство мира. Жизнь несправедлива.

Это ее разозлило: *он* вздумал поучать *ее* в вопросах несправедливости!

Что он в этом понимает? Она хотела заспорить, но Кальвин ее перебил.

– Заметьте, – сказал он, – жизнь изначально несправедлива, и все же вы продолжаете строить ее так, будто в ней есть справедливость, будто можно исправить пару дефектов – и все устаканится. Нет, не устаканится. Хотите совет? – И, не дав ей сказать «не хочу», закончил: – Не пытайтесь управлять системой. Попытайтесь обвести ее вокруг пальца.

Элизабет в молчании взвешивала его слова. Как ни досадно, в них был здравый смысл, хотя и жутко несправедливый.

– По счастливому стечению обстоятельств я весь прошлый год ломал голову над полифосфорными кислотами, но меня как заколодило. Ваше исследование могло бы сдвинуть дело с мертвой точки. Если я скажу Донатти, что заинтересован в ваших результатах, вас завтра же вернут на прежние позиции. И даже если меня не заинтересуют ваши результаты, чего не может быть никогда, я должен загладить свою вину. Во-первых, за высказывание о секретарше и, во-вторых, еще раз, за рвотные массы.

Элизабет не нарушала молчания. Вопреки своим убеждениям она потеплела к этой затее. Причем невольно: ей не улыбалось обводить систему вокруг пальца. Неужели системы не бывают разумными? Она терпеть не могла протекционизма. Любые протекции отдавали

журльничеством. Но как-никак она поставила перед собой определенные цели, и что же, черт возьми: так и сидеть теперь сложа руки? Сидеть сложа руки – затея неблагодарная, она еще никому не пошла на пользу.

– Нет, это вы послушайте, – с нажимом произнесла Элизабет, убирая с лица непослушную прядь волос. – Надеюсь, вы не сочтете, что я принимаю скороспелые решения, но жизнь меня била, поэтому должна уточнить: это не свидание. Это чисто рабочая встреча. Я не заинтересована ни в каких отношениях.

– Я тоже, – не отступался он. – Это чисто по работе. И ничего более.

– И ничего более.

Они поставили на поддон чашки с блюдцами и разошлись в разные стороны, причем каждый отчаянно надеялся, что другой подразумевает нечто совсем иное.

Глава 4

Введение в химию

Недели через три Кальвин и Элизабет, направляясь к парковке, беседовали на повышенных тонах.

– Ваша идея в корне порочна, – говорила Элизабет. – Вы упускаете из виду самую основу синтеза белка.

– Напротив, – возражал он, про себя отмечая, что никто еще не называл его идеи порочными и что слышать это не особо приятно, – у меня в голове не укладывается, как можно полностью игнорировать молекулярное строение...

– Я не игнорирую...

– А как же две ковалентные...

– Там образуются не две, а три ковалентные связи...

– Да, но только в тех случаях...

– Послушайте! – резко перебила Элизабет, когда они остановились у ее машины. – Вот она, проблема.

– Какая еще проблема?

– Вы, – твердо сказала она, указывая на него обеими руками сразу. – Вы и есть главная проблема.

– Потому что у нас разные точки зрения?

– Проблема не в этом, – возразила она.

– Хорошо, тогда в чем?

– Да в том... – Неопределенно махнув рукой, она посмотрела вдаль.

Кальвин выдохнул, опустил одну ладонь на крышу ее голубого «плимута» и стал ждать неминуемой отповеди.

За истекший месяц они с Элизабет встречались шесть раз – дважды вместе пообедали и четыре раза пили кофе; для Кальвина каждая из этих встреч составляла и самое возвышенное, и самое скверное мгновение суток. Самое возвышенное – потому, что Элизабет была самой умной, проницательной, загадочной и... да... опасно привлекательной из всех известных ему девушек. Самое скверное – потому, что она вечно торопилась уйти. А когда она уходила, он впадал в отчаяние, не отступавшее до самой ночи.

– Новейшие сведения о шелковичных червях, – пояснила она. – Опубликовано в последнем номере журнала «Сайенс». Вот о какой главной сложности я говорила.

Он согласно кивал, будто все понимая, но на самом деле не понимал ровным счетом ничего, даже новых сведений о шелковичных червях. Во время каждой встречи он из кожи вон лез, чтобы показать свое полное равнодушие к Элизабет во всем, что выходило за пределы ее должностных обязанностей. Он не предлагал оплатить ее чашку кофе, не вызывался донести от прилавка к столу ее обеденный поднос, не распахивал перед нею дверь, даже в тот раз, когда она несла стопку книг выше своей головы. Не грохнулся в обморок, когда она, попятившись от раковины, случайно натолкнулась на него спиной и он уловил запах ее волос. Он и представления не имел, что у волос бывает такой запах – как будто женщина только-только вымыла голову в лохани с цветами. Неужели он не мог надеяться на поощрение за эту видимость чисто рабочих отношений? Такая ситуация злила его донельзя.

– Про бомбикол, – продолжала Элизабет, – у тутовых шелкопрядов.

– Разумеется, – уныло подтверждал он, вспоминая, каким идиотом показал себя при первой встрече. Принял ее за секретаршу. Выставил из своей лаборатории. Дальше – больше. Блеванул на нее в театре. Она сказала, что это ерунда, однако же с тех пор ни разу не надела свое

желтое платье, так? Так. Сомнений не оставалось: хотя она и утверждала, что не держит на него зла, но на поверку выходило иначе. Сам он, воплощение злопамятства, знал, как это бывает.

– Это феромон, – продолжала она. – Самок шелковичного червя.

– Самки червя, – саркастически процедил он. – Подумать только!

Удивленная таким выпадом, Элизабет сделала шаг назад.

– Вам неинтересно. – При этих словах у нее покраснели мочки ушей.

– Ну почему же.

В поисках ключей она судорожно рылась в сумочке.

Какое небывалое разочарование. В кои-то веки ей повстречался мужчина, с которым есть о чем поговорить: он видится ей умным, проницательным, загадочным (и опасно привлекательным, когда улыбается), но не проявляет к ней никакого интереса. Вообще никакого. За истекший месяц они встречались шесть раз; при каждой встрече она ограничивала себя строго деловыми рамками, и он тоже, хотя с его стороны это уже граничило с хамством. Взять хотя бы тот случай, когда она так нагрузилась книгами, что даже двери не видела, – каково, а? Ему и в голову не пришло ей помочь. Но почему-то всякий раз, когда они оказывались рядом, ее непреодолимо тянуло его поцеловать. А ведь ей это абсолютно несвойственно. И все же после каждой встречи, которую она спешила закончить как можно скорее, чтобы, чего доброго, не броситься к нему с поцелуями, она впадала в отчаяние, не отступавшее до самой ночи.

– Мне пора, – сказала она.

– Дела не ждут, – откликнулся он.

Но ни один из них не сдвинулся с места; правда, они отвернулись друг от друга, будто каждый высматривал знакомого, с которым, собственно, и договорился здесь встретиться, хотя на календаре была пятница, часы показывали без малого семь вечера и в южном секторе оставались только две машины – ее и его.

– Грандиозные планы на выходные? – отважился в конце концов Кальвин.

– Естественно, – солгала она.

– Удачи, – бросил он и зашагал прочь.

Проводив его взглядом, она села в машину и закрыла глаза. Кальвин далеко не глуп. Читает журнал «Сайенс». Наверняка понял, к чему она клонит, заводя разговор о бомбиколе – ведь это феромон для привлечения мужских особей. «Черви», – процедил он едва ли не с жестокостью. Вот гад. А она-то, дурища: внаглую заговорила о половом аттрактанте, и где – на парковке, вот и получила отлуп.

Вам неинтересно, огорчилась она.

А он такой: *Ну почему же*.

Открыв глаза, Элизабет вставила ключ в зажигание. Да ладно, Кальвин все равно думает, что ей нужна от него только лабораторная посуда. Мужские мозги ведь как работают: с чего это тетка заговорила про бомбикол именно в пятницу вечером, на пустой парковке, когда с запада прилетает легкий ветерок и несет запах ее несуразно дорогого шампуня прямо ему в ноздри? Как пить дать еще колбы потребовались. Элизабет не видела другой причины. Кроме истинной. В ней зарождалась любовь.

В этот самый миг кто-то забарабанил ей в левое окно.

Подняв глаза, она увидела Кальвина, который жестами просил ее опустить стекло.

– Да пропади они пропадом, ваши колбы! – рявкнула Элизабет.

– Проблема не во мне, – отрезал он и наклонился, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Элизабет, внутренне закипая, выдержала его взгляд.

Как он смеет?

Кальвин выдержал ее взгляд. Как она смеет?

И тут Элизабет снова захлестнуло все то же чувство, которое всякий раз настигало ее рядом с Кальвином, но теперь она сдалась: высунула из машины обе руки, чтобы взять его лицо в ладони и привлечь к себе, а самый первый их поцелуй скрепил ту неразрывную связь, которую не способна объяснить даже химия.

Глава 5

Семейные ценности

В лаборатории, где работала Элизабет, все сотрудники решили, что она встречается с Кальвином Эвансом только по причине его славы. С Кальвином на коротком поводке она стала неуязвимой. Но истинная причина была куда проще. «Да потому, что я его люблю», – ответила бы она, подкатись к ней с таким вопросом кто-нибудь любопытный. Но вопросов ей не задавали.

То же самое происходило и с Кальвином. Подкатись кто-нибудь с таким вопросом к нему, он бы ответил, что Элизабет Зотт – самое большое его сокровище на всем белом свете, не по причине ее красоты, не по причине ее ума, а просто потому, что она его любит, а он любит ее – с той полнотой чувства, убежденности и доверия, которая и составляет основу их взаимной преданности. Они стали больше чем друзьями, больше чем собеседниками, больше чем влюбленными, больше чем союзниками, больше, чем любовниками. Любые отношения – это всегда пазл, но их мозаика сложилась в один момент: словно кто-то потряс коробку и сверху наблюдал, как отдельные фрагменты приземляются в нужной точке, подгоняются по размеру и форме, прочно соединяясь в осмысленную, идеальную картину. Другие пары, глядя на них, мучились от зависти.

По ночам, после интимной близости, они всегда оказывались в одной и той же позе, на спине – его нога закинута на ее ногу, ее рука у него на бедре, его голова наклонена вбок, поближе к ней, – и разговаривали. Иногда о предстоящих задачах, иногда о своем будущем и всегда о работе. Невзирая на изнеможение обоих, разговор нередко продолжался за полночь: не важно, заходила ли речь о полученных результатах или о какой-нибудь формуле, но в конце концов один из двоих непременно вставал, чтобы сделать несколько записей. Если у других пар взаимное влечение отодвигает работу на задний план, то у Элизабет с Кальвином все было с точностью до наоборот. Даже в нерабочее время они продолжали работать, поощряя изобретательность и творческие способности друг друга уже тем, что смотрели на них под новым углом зрения, а научное сообщество впоследствии поражалось результативности этой пары, но поразились бы еще сильнее, прознав, что большую часть идей авторы разрабатывают в голом виде.

– Не спишь? – тихонько спросил Кальвин однажды ночью, когда они лежали рядом в постели. – Я кое-что обговорить хотел. Насчет Дня благодарения.

– А что случилось?

– Времени остается – всего ничего; хотел спросить, не планируешь ли ты... не планируешь ли ты съездить домой и позвать с собой меня, чтобы... – Он запнулся, но тут же выпалил: – Чтобы представить своим родным.

– Что? – прошептала в ответ Элизабет. – Домой?! Нет. Домой не поеду. Я думала, мы с тобой здесь отметим. Вдвоем. Если, конечно... Ну... А ты-то не собираешься домой?

– Категорически нет, – ответил он.

За прошедшие несколько месяцев Кальвин с Элизабет успели обсудить почти всё: книги, продвижение по работе, свои устремления, вопросы веры, политику, кино, даже аллергию. Единственное исключение, причем совершенно очевидное, составляла семья. Так выходило само собой – по крайней мере, на первых порах, но, месяцами замалчивая эту тему, оба поняли, что она может и вовсе кануть в небытие.

И ведь нельзя сказать, что их не интересовали корни друг друга. У кого не возникает желания копнуть поглубже, чтобы найти в детстве близкого человека набор обычных подозреваемых: сурового родителя, вечных соперников – братьев и сестер, безумную тетку? У Элизабет с Кальвином такое желание возникало.

И со временем тема родни стала напоминать отгороженную комнату во время экскурсии по историческому особняку. Можно просунуть голову в дверь и мельком увидеть, что Кальвин вырос в каком-то определенном месте (в Массачусетсе?), что у Элизабет есть брат (а может, сестра?), но внутрь нипочем не зайдешь и домашнюю аптечку вблизи не разглядишь. Но Кальвин сам заговорил о Дне благодарения.

– Не знаю, кто меня за язык дернул, – нарушил он тягостное молчание. – Но я сообразил, что даже не знаю, откуда ты родом.

– Я-то? – встрепенулась Элизабет. – Ну... из Орегона. А ты?

– Из Айовы.

– Серьезно? – удивилась она. – Я думала, из Бостона.

– Нет, – поспешно отрезал он. – А братья у тебя есть? Или сестры?

– Один брат, – сказала она. – А у тебя?

– Никого, – ответил он безо всякого выражения.

Элизабет лежала неподвижно, стараясь уловить его тон.

– Тебе не бывало одиноко?

– Бывало, – так же скупно ответил он.

– Прости. – Она нащупала под одеялом его руку. – Твои родители не хотели больше детей?

– Трудно сказать. Обычно дети родителям таких вопросов не задают. Наверно, хотели. Да, определенно.

– Тогда почему...

– Когда мне исполнилось пять лет, они погибли. Мать была на восьмом месяце...

– Боже мой. Я так сочувствую тебе, Кальвин. – Элизабет резко села в постели. – Что произошло?

– Попали, – буднично сообщил он, – под поезд.

– Кальвин, прости меня, я же ничего не знала.

– Не переживай, – сказал он. – Много воды утекло. Я их даже не помню.

– Но...

– Теперь твоя очередь, – нетерпеливо перебил он.

– Нет, постой, постой, Кальвин: кто же тебя воспитывал?

– Тетушка. Но потом она тоже умерла.

– Что? Как?

– Мы ехали в машине, и у тетушки случился инфаркт. Машина свернула на обочину и врезалась в дерево.

– Господи...

– Считаю, такая у нас семейная традиция. Смерть от несчастного случая.

– Это не остроумно.

– Я и не пытался острить.

– Сколько же тебе было лет? – не отступалась Элизабет.

– Шесть.

Она зажмурилась:

– И тебя отдали в... – У нее сорвался голос.

– В католический приют для мальчиков.

– И?... – поторопила она, ненавидя себя за назойливость. – Как тебе там жилось?

Кальвин выдержал паузу, словно пытался найти ответ на этот до неприличия простой вопрос.

– Тяжко, – выговорил наконец он, но так тихо, что она еле расслышала.

Где-то далеко взвыл паровозный гудок, и Элизабет содрогнулась. Сколько ночей Кальвин вот так лежал рядом с ней и, слыша этот гудок, вспоминал покойных мать с отцом и неродившегося младенца? А может, он о них и не думал – сам ведь сказал, что успел их забыть. Но кого-то же он должен вспоминать? И что это были за люди? И как именно следует понимать это «тяжко»? Она хотела спросить, но его голос – темный, низкий, незнакомый – подсказал ей, что лучше прикусить язык. А как ему жилось впоследствии? Как получилось, что в центре засушливой Айовы он увлекся греблей? И что совсем уж непонятно – как его занесло в Кембридж, где он выступал за команду колледжа? А на какие средства он получил высшее образование? Кто за него платил? А где ходил в школу? Приют в Айове вряд ли мог предложить блестящее начальное образование. Одно дело – блистать талантами, но совсем другое – блистать талантами, не находя им применения. Появись Моцарт на свет не в Зальцбурге – цитадели культуры, а в трущобах Бомбея, неужели он бы сочинил Симфонию номер тридцать шесть до мажор? Исключено. Каким же образом Кальвин поднялся ниоткуда до высот мировой науки?

– Ты упомянула, – начал он деревянным тоном, заставляя Элизабет опуститься на подушку, – Орегон.

– Да, – подтвердила она, содрогаясь оттого, что сейчас ей придется изложить свою историю.

– Часто туда навещаешь?

– Никогда.

– Но как же так? – Кальвин почти кричал, потрясенный ее разрывом с благополучной семьей. В которой, по крайней мере, никто не умер.

– По религиозным соображениям.

Кальвин умолк, словно чего-то недопонял.

– Мой отец был, так сказать... большим спецом по религии, – объяснила она.

– Это как?

– Ну, приторговывал Богом.

– Что-то я не догоняю.

– Сыпал мрачными предсказаниями, чтобы нажиться. Знаешь, – с нарастающей неловкостью продолжала она, – некоторые возвещают близкий конец света, но предлагают спасение: крестины по особому обряду или дорогие амулеты, способные немного отодвинуть Страшный суд.

– Неужели таким способом возможно прокормиться?

Она повернулась к нему лицом:

– Еще как.

Кальвин умолк, пытаясь вообразить эту картину.

– Короче говоря, – продолжила она, – из-за этого нам все время приходилось переезжать с места на место. Нельзя же постоянно внушать соседям, что конец света уже близок, если кругом тишь да гладь.

– А твоя мама?

– Она как раз изготавливала амулеты.

– Нет, я о другом: она тоже была очень набожна?

Элизабет замаялась:

– Ну, если считать алчность религией, то да. В этой сфере жестокая конкуренция, Кальвин, – дело-то исключительно прибыльное. Но мой отец был невероятно талантлив, и доказательством тому служила ежегодная покупка нового «кадиллака». Но если уж на то пошло, отец умел вызывать спонтанное возгорание и этим выделялся среди прочих.

– Подожди. Это как?!

– Не так-то просто отмахнуться от человека, который кричит: «Дай мне знак!» – и после этого рядом загорается какой-нибудь предмет.

– Стоп. Ты хочешь сказать...

– Кальвин, – она перешла на строго научный тон, – тебе известно, что фисташки легко воспламеняемы? Это обусловлено высоким содержанием жиров. Фисташки хранят с соблюдением особых условий влажности, температуры воздуха и давления, но стоит нарушить эти условия – и содержащиеся в фисташках жирорасщепляющие ферменты начинают производить свободные жирные кислоты, которые разлагаются, когда ядро ореха насыщается кислородом и выделяет двуокись углерода. И что в результате? Огонь. Надо отдать должное моему отцу по двум пунктам: он мог вызвать мгновенное возгорание, получив необходимый знак от Господа. – Она тряхнула головой. – Мама дорогая. Сколько же мы израсходовали фисташек!

– А второй пункт? – спросил Кальвин.

– Не кто иной, как отец, приохотил меня к химии. – Элизабет выдохнула. – Наверное, я должна сказать ему спасибо, – горько добавила она. – Но нет.

Пытаясь скрыть свое разочарование, Кальвин повернул голову влево. В этот миг он понял, как же ему не терпелось познакомиться с ее родными: как он надеялся посидеть с ними за праздничным столом, как рассчитывал, что со временем они признают его своим, просто потому, что для нее он – свой.

– А где сейчас твой брат? – спросил он.

– Умер. – В ее голосе звучала жесткость. – Покончил с собой.

– Покончил с собой? – задохнулся Кальвин. – Как?

– Повесился.

– Но... но почему?

– Отец сказал, что Господь его ненавидит.

– Но... но...

– Как я уже сказала, отец обладал даром внушения. Стоило ему сказать, что Господу угодно то-то и то-то, как Господь прислушивался. А Господом и был сам отец.

У Кальвина скрутило живот.

– Ты... ты была к нему близка?

Элизабет набрала побольше воздуха:

– Да.

– Нет, я все-таки не понимаю, – упорствовал он. – Зачем твой отец произнес такие слова?

Кальвин воздел глаза к темному потолку. При почти полном отсутствии навыков общения с близкими он привык считать, что родня – залог стабильности, подспорье в тяжелые времена. Ему и в голову не приходило, что родня сама может стать наказанием.

– Мой брат... Джон... был гомосексуалистом, – выдавила Элизабет.

– Ох... – выдохнул Кальвин, как будто этим все объяснялось. – Могу только посочувствовать.

Приподнявшись на локте, она вперилась в него сквозь темноту.

– Как прикажешь тебя понимать? – вырвалось у нее.

– Ну, на самом деле... а как ты узнала? Вряд ли он сам тебе рассказал.

– У меня как-никак научный склад ума, если ты не забыл, Кальвин. Вообще говоря, в гомосексуализме нет ничего из ряда вон выходящего – это заурядный факт биологии человека. Меня удивляет, что людям это неизвестно. Никто, что ли, не читает Маргарет Мид?² Дело в том, что я была в курсе ориентации Джона, и он это знал. Мы с ним говорили начистоту. Он

² *Никто, что ли, не читает Маргарет Мид?* – Маргарет Мид (1901–1978) – видный американский антрополог; известна своими полевыми исследованиями в Полинезии (1925), а также трудами по проблемам гендерной идентификации.

не выбирал для себя такой путь; это была часть его сущности. И вот что хорошо, – задумчиво добавила она, – он тоже знал обо мне.

– Знал, что у тебя...

– Научный склад ума! – рявкнула Элизабет. – Слушай, я понимаю, тебе трудно это принять, учитывая жуткие обстоятельства твоей собственной жизни, но если мы рождаемся в конкретной семье, это вовсе не значит, что вырастем такими же.

– А как иначе: мы вырастаем...

– Нет. Пойми, Кальвин. Люди, подобные моему отцу, проповедуют любовь, а сами кипят ненавистью. Они не будут мириться ни с кем, кто ставит под удар их мещанские убеждения. Тот день, когда наша мать увидела, как мой брат держится за руки с другим парнем, стал последней каплей. Целый год ему выговаривали, что такой извращенец недостойн жить в этом мире, и в конце концов он взял веревку и пошел в сарай.

У нее в голосе зазвучали непривычно высокие нотки, какие появляются на грани слез. Кальвин потянулся к Элизабет, и она позволила ему себя обнять.

– Сколько же тебе было лет? – спросил он.

– Десять, – ответила она. – А Джону – семнадцать.

– Расскажи о нем, – осторожно попросил Кальвин. – Каким он был по характеру?

– Да как тебе сказать... – прошептала она. – Добрый. Заботливый. Именно Джон читал мне сказки на ночь, бинтовал разбитые коленки, учил меня грамоте. Мы часто переезжали, и я не умела заводить друзей, но у меня всегда был Джон. Мы с ним часами просиживали в библиотеке. Для нас это была святая святых – мы знали, что уж библиотеку-то найдем в любом городе. Странно, что сейчас мне это пришло в голову.

– Почему странно?

– Да потому, что для наших родителей святая святых представлял собой бизнес.

Он кивнул.

– Я твердо усвоила одно, Кальвин: для решения своих трудностей людям свойственно искать простые пути. Куда легче уповать на нечто незримое, неосоздаемое, необъяснимое, неизменное, чем в меру своих способностей постараться разглядеть, нащупать, объяснить, изменить. – Элизабет вздохнула. – При чем не где-нибудь, а в себе. – Она напряглась.

Лежа в молчании, каждый погрузился в омут своего прошлого.

– А сейчас родители твои где?

– Отец в тюрьме. Как-то раз полученный им небесный знак убил троих человек. А мать подала на развод, снова вышла замуж и переехала в Бразилию. Там нет законов об экстрадиции. Я говорила, что мои родители никогда в жизни не платили налогов?

Кальвин только присвистнул, тихо и протяжно. Тому, кто в детстве кормился тоской, трудно вообразить, что другому доставалось не меньше.

– Значит, после... смерти твоего брата у родителей осталась одна ты...

– Нет, – перебила Элизабет. – Я просто осталась одна. Родители неделями бывали в разъездах, и без Джона мне пришлось учиться самостоятельности. А куда было деваться? Приноровилась для себя готовить, даже делала мелкий ремонт.

– А школа?

– Говорю же: я ходила в библиотеку.

– И это все?

Элизабет повернулась к нему:

– И это все.

Они лежали, как поваленные деревья. На расстоянии нескольких кварталов зазвонил церковный колокол.

– В детстве, – негромко сказал Кальвин, – я себе внушал, что завтра будет новый день. Завтра будет чудо.

Она снова взяла его за руку:

– Это помогало?

При воспоминании о тех подробностях, которые он узнал о своем отце от епископа в приюте для мальчиков, у Кальвина дрогнула губа.

– Наверное, я не так выразился: не нужно зависать в прошлом.

Она кивнула, представив, как недавно осиротевший мальчуган пытается рисовать себе светлое будущее. Очевидно, для этого требовалась особая стойкость: ребенок, испытавший худшее, вопреки законам вселенной и доводам рассудка, убеждает себя, что завтра все изменится.

– Завтра будет новый день, – повторил Кальвин, словно тот самый мальчуган. Но тут же умолк, потому что память об отце давила слишком тяжелым грузом. – Что-то я устал. Давай закругляться.

– Да, надо поспать, – согласилась она, ни разу не зевнув.

– У нас еще будет время продолжить, – тоскливо проговорил Кальвин.

– Я готова хоть завтра, – покривила душой Элизабет.

Глава 6

Институтская столовая

Что может быть досаднее, чем зрелище чужого, причем незаслуженно большого счастья? По мнению кое-кого из коллег Элизабет и Кальвина по Научно-исследовательскому институту Гастингса, в случае этой пары несправедливость вообще зашкаливала. Он – талантище, она – красotka. Когда они сошлись, несправедливость автоматически удвоилась и стала просто вопиющей.

Но по мнению тех же коллег, хуже всего было именно то, что доля каждого оказалась совершенно незаслуженной: ну, такими уж они родились на свет; иными словами, счастье досталось им не в награду за тяжкий труд, а просто в силу врожденной удачливости. И тот факт, что эти двое решили объединить свои незаслуженные дары судьбы в пространстве романтических и, по всей вероятности, чрезвычайно близких отношений, которые что ни день резали глаз окружающим во время обеденного перерыва, только усугублял сложившееся положение.

– О, идут, – сказал геолог с восьмого этажа. – Бэтмен и Робин.

– Говорят, съехались уже... не слышали? – полюбопытствовал сотрудник той же лаборатории.

– Да это всем известно.

– Я, например, впервые слышу, – угрюмо бросил третий, Эдди.

Троица геологов неотрывно следила за Элизабет с Кальвином: под артиллерийский грохот подносов и столовых приборов те выбрали свободный столик в центре зала. Когда миазмы столовского бефстроганова достигли удушающей концентрации, Кальвин и Элизабет расставили на столе набор открытых контейнеров «таппервер». Куриное филе под сыром пармезан. Запеченный картофель о'гратен. Какой-то салат.

– Ну-ну, – заметил один из геологов. – Столовской жратвой брезгуют.

– Да от такой жратвы даже моя кошка нос воротит, – сказал второй, отталкивая поднос.

– Привет, мальчики, – зашебетала мисс Фраск, преувеличенно веселая, широкозадая секретарша отдела кадров.

Опустив на стол свой поднос, она кашлянула в надежде на то, что Эдди, техник-лаборант из сектора геологии, отодвинет для нее стул. Они с Эдди встречались уже три месяца; она бы с радостью объявила, что у них все срослось, но это не соответствовало истине. Эдди был неотесан и хамоват. Жевал с открытым ртом, гоготал над пошлыми анекдотами, сыпал словечками типа «усратья легче». И все же Эдди обладал одним несомненным достоинством: он был холост.

– Ой, спасибо, Эдди, – обрадовалась она, когда тот нагнулся и рывком выдвинул стул. – Как мило!

– Продолжай на свой страх и риск, – предостерег один из геологов, неопределенно кивнув в сторону Кальвина с Элизабет.

– А что такое? На что смотрим? – Фраск проследила за его взглядом, развернувшись на стуле. – Ну надо же, – сказала она, провожая глазами счастливую пару. – Опять эти?

Теперь слезку вели четыре пары глаз: Элизабет достала какую-то тетрадку и передала Кальвину. Тот изучил открытую страницу и отпустил комментарий. Элизабет помотала головой и указала пальцем на конкретную подробность. Кальвин покивал и, склонив голову набок, стал медленно кусать губы.

– До чего же непривлекательный, – с отвращением бросила Фраск. Но, будучи сотрудницей отдела кадров и зная, что кадровикам не разрешается обсуждать внешние данные персонала, поспешила добавить: – То есть я хочу сказать, синий – совершенно не его цвет.

Один из геологов отправил в рот кусочек бефстроганова и решительно бросил вилку.

– Слыхали новость? Эванса опять на Нобеля выдвигают.

Над столом пронесся коллективный вздох.

– Подумаешь, это еще ничего не значит, – фыркнул один из геологов. – Выдвигать можно кого угодно.

– Да неужели? Тебя хоть раз выдвигали?

Они глазели как замороженные; через пару минут Элизабет вынула из сумки какой-то пакет, завернутый в пергаментную бумагу.

– Как думаете, что там у нее? – спросил один из геологов.

– Сладкое, – с вождением ответил Эдди. – Она ко всему еще и печет.

У них на глазах она предложила Кальвину шоколадные бисквит-брауни.

– Ой, скажите пожалуйста! – возмутилась Фраск. – Что значит «ко всему»? Печь каждая умеет.

– Не понимаю таких, как она, – сказал очередной геолог. – Ну захомотала Эванса. И что ее тут держит? – Он помолчал, словно взвешивая разные варианты. – Может, конечно, Кальвин и не спешит на ней жениться.

– Зачем покупать корову, если дармового молока – залейся? – указал один из геологов.

– Я на ферме вырос, – вставил Эдди. – С коровами одна холера.

Тут на него покосилась Фраск. Ее раздражало, что он все время поворачивается за этой Зотт, как подсолнух за солнцем.

– Я разбираюсь в человеческом поведении, – заявила она. – В свое время даже диссертацию по психологии писала. – Она обвела глазами своих сотрапезников, надеясь, что сейчас ее станут расспрашивать о былых научных устремлениях, но ни один не проявил ни малейшего интереса. – Короче, могу с уверенностью сказать: это она его использует, а не наоборот.

Элизабет расправила свои записи, а потом встала:

– Извини, что прерываю, Кальвин, но мне пора на встречу.

– На встречу? – переспросил Кальвин, как будто она получила приглашение на казнь. – Работала бы у меня в лаборатории – знать бы не знала ни про какие встречи.

– Но я же не работаю у тебя в лаборатории.

– А могла бы.

Она со вздохом начала собирать контейнеры. Конечно, она бы с радостью перешла к нему в лабораторию, но возможности такой не было. Как ученый-химик, она пока находилась на нижней ступени. Ей предстояло найти свой собственный путь. Постарайся меня понять, говорила она ему не раз и не два.

– Но мы с тобой живем вместе. Твой переход – это следующий логический шаг. – Он знал, что с Элизабет можно разговаривать только с позиций логики.

– Мы съехались по экономическим соображениям, – напомнила она.

На поверхностный взгляд так оно и было. Идея совместного проживания исходила от Кальвина: поскольку они и так проводят почти все свободное время вместе, твердил он, с финансовой точки зрения было бы оправданно не расставаться вовсе. Но тогда шел 1952 год, а в 1952 году незамужняя женщина не могла просто так взять да и переехать к мужчине. Поэтому Кальвин даже слегка удивился, когда Элизабет согласилась без колебаний.

– Половина арендной платы – с меня, – заявила она.

Вытащив из прически карандаш, она постукивала им по столу в ожидании ответа. Если честно, о том, чтобы оплачивать хотя бы половину аренды, не могло быть и речи. Для нее

такой вариант исключался. Ее оклад лишь на самую малость превышал границу смехотворного. К тому же договор аренды был составлен на имя Кальвина, а значит, налоговая льгота полагалась ему одному. Как-то несправедливо. Элизабет дала ему пару минут на математические расчеты. Половина – это возмутительно.

– Половина, – протянул он, будто прикидывая, что к чему.

Но уже хорошо знал, что половина ей не по карману. И даже четверть. В Гастингсе ей платили сущие гроши – вдвое меньше, чем получал бы на ее месте мужчина: Кальвин узнал размер ее оклада из личного дела, куда сумел заглянуть украдкой, в нарушение правил. Впрочем, ипотечный кредит на нем не висел. В минувшем году он полностью выкупил это небольшое бунгало на средства от какой-то химической премии, о чем тут же пожалел. Не зря же народная мудрость гласит: не клади все яйца в одну корзину. А он именно так и поступил.

– Или как вариант, – она просветлела, – можем заключить экономическое соглашение. Ну знаешь, наподобие межгосударственного.

– То есть сделку?

– Аренда – в обмен на услуги.

Кальвин похолодел. До его слуха долетали сплетни насчет дармового молока.

– В обмен на ужины, – уточнила она. – Четыре раза в неделю. – И, не дав ему ответить, поправилась: – Ладно. Пять. Это мое окончательное предложение. Я неплохо готовлю, Кальвин. Кулинария – серьезная наука. По сути, это химия.

Итак, они съехались, и все получилось как нельзя лучше. Но переход к нему в лабораторию? Она отказывалась даже рассматривать такую возможность.

– Ты выдвинут на Нобелевку, Кальвин, – напомнила она, защелкивая крышку контейнера с остатками картофеля. – Причем в третий раз за последние пять лет. А я хочу, чтобы обо мне судили по моей собственной работе, но в случае перехода будет считаться, что всю работу за меня выполнил ты.

– Кто тебя хоть немного знает, никогда так не подумает.

Открыв вентиляционные отверстия в посуде «таппервер», она повернулась к Кальвину:

– В том-то и штука. Меня никто не знает.

Это ощущение преследовало ее всю жизнь. О ней судили не по ее делам, а по делам других. В прошлом она слыла отпрыском поджигателя, дочерью многобрачной жены, сестрой повесившегося гомосексуалиста и магистранткой известного распутника. Теперь стала подружкой знаменитого ученого. Но так и не сделалась просто Элизабет Зотт.

А в тех редких случаях, когда ее характеризовали саму по себе, от нее просто отмахивались как от проныры или авантюристки – оба этих качества ставились в зависимость от другого, особенно ей ненавистного. От ее облика. Повторявшего облик отца.

По этой причине она почти никогда не улыбалась. Перед тем как заделаться странствующим проповедником, отец ее мечтал стать актером. У него имелись для этого необходимые предпосылки: харизма и зубы (с профессионально изготовленными коронками). Так чего же ему не хватило? Таланта. Когда стало ясно, что актерская карьера ему не светит, он использовал свои задатки в молевельных шатрах, где люди охотно клевали на его фальшивую улыбку и обещания конца света. Потому-то Элизабет и перестала улыбаться в возрасте десяти лет. И сходство сразу померкло.

Улыбка вернулась к ней только с появлением в ее жизни Кальвина Эванса. В тот самый вечер, когда его на нее стошнило. Вначале она его даже не узнала, но, узнав, забыла об испорченном платье и наклонилась, чтобы взглянуть в его лицо. Кальвин Эванс! Правда, был случай, когда она ему надерзила – после того, как он сам обошелся с ней невежливо... из-за этой лабораторной посуды... но между ними возникло мгновенное, неодолимое притяжение.

– Доедать будешь? – Она указала на почти пустой контейнер.

– Не могу, – ответил он. – Доешь сама, ладно? Тебе дополнительное горячее не мешает.

На самом деле он собирался все доесть сам, но готов был отказаться от дополнительных калорий, лишь бы только задержать ее рядом с собой. Как и Элизабет, он никогда не отличался общительностью; до увлечения греблей его, по сути, ничто не связывало с окружающими. Физическое страдание, как он усвоил давным-давно, соединяет людей куда прочнее, чем повседневность. Он все еще поддерживал контакты с восемью товарищами по кембриджской команде, а с одним из них виделся буквально месяц назад, когда летал на конференцию в Нью-Йорк. Четвертый – они по-прежнему называли друг друга по номеру места в лодке – стал неврологом.

– Что-что у тебя появилось? – не веря своим ушам, переспросил Четвертый. – Девушка? Ну ты гигант, Шестой! – Приятель хлопнул его по спине. – Давно бы так!

Кальвин взволнованно кивал, подробно рассказывая, чем занимается Элизабет по работе, какие у нее привычки, какой смех и все, что ему в ней дорого. Но потом перешел на более сдержанный тон и объяснил, что они с Элизабет почти все свободное время проводят вместе – вместе живут, вместе питаются, вместе ездят на работу и с работы, но этого, по его ощущениям, недостаточно. Дело не в том, что без нее он не смог бы нормально функционировать, говорил он Четвертому, а в том, что не видит смысла функционировать без нее.

– Не знаю, как это назвать, – признался он после всесторонней проверки. – Я к ней присох? Попал в какую-то нездоровую зависимость? Может, у меня опухоль мозга?

– Не парься, Шестой, твой диагноз – счастье, – объяснил Четвертый. – Когда свадьба?

Но здесь возникла одна загвоздка. Элизабет недвусмысленно дала понять, что замуж не собирается.

– Не думай, что я осуждаю институт брака, Кальвин, – сказала она, – притом что я осуждаю всех, кто осуждает наши с тобой отношения. А ты разве не согласен?

– Согласен, – ответил Кальвин, а сам подумал, что больше всего на свете хотел бы произнести это слово перед алтарем.

Но когда она посмотрела на него выжидающим взглядом, требующим подробностей, он поспешил уточнить:

– Я согласен, что нам с тобой крупно повезло.

И тогда она улыбнулась ему так открыто, что у него взорвался мозг. Как только они распрощались, он поехал в ближайший ювелирный магазин и там прочесал все отделы, чтобы найти самый большой из маленьких бриллиантов, какой был бы ему по карману. В течение трех месяцев он с волнением нащупывал в кармане миниатюрную коробочку, выжидая подходящего момента.

– Кальвин... – окликнула Элизабет, собирая со стола свою посуду. – Ты меня слушаешь? Я говорю, что завтра иду на венчание. Ты не поверишь: я буду в нем участвовать. – Она нервно повела плечами. – Так что давай отложим обсуждение этих кислот до вечера.

– А кто выходит замуж?

– Моя подруга Маргарет, секретарь отдела физики, припоминаешь? Это с ней мы встречаемся через пятнадцать минут. Насчет примерки.

– погоди. У тебя есть подруга? – Он считал, что у Элизабет есть только коллеги-ученые, которые признают ее компетентность и саботируют ее результаты.

Элизабет зарделась от смущения.

– Ну, в общем, да, – неловко выдавила она. – Мы с Маргарет киваем друг другу, когда сталкиваемся в коридорах. Несколько раз болтали возле кофейного автомата.

Кальвин всеми силами изображал, будто слышит разумное описание дружбы.

– Договорились буквально в последнюю минуту. Одна из ее подружек невесты приболела, но Маргарет говорит, что число подружек невесты должно равняться числу шаферов.

Впрочем, после этих слов к ней пришло понимание, что Маргарет на самом-то деле без разницы, кого пригласить на эту роль: сойдет любая стройная девица без определенных планов на выходные.

По правде говоря, заводить дружбу она не умела. Говорила себе, что виной тому слишком частые переезды, плохие родители, потеря брата. Но знала она и то, что у других тоже бывают сходные обстоятельства, однако подобных проблем не возникает. Наоборот, некоторым это даже помогает заводить друзей: видимо, призрак постоянных перемен и глубокой скорби открывает другим пути к дружеским связям на каждом новом месте. А почему же у нее так не получается?

Кроме всего прочего, ее смущал сам нелогичный феномен женской дружбы, который требует одновременного умения в нужное время хранить и открывать секреты. При каждом переезде в другой город одноклассницы по воскресной школе отводили ее в сторонку и с придыханием рассказывали о своей влюбленности в кого-нибудь из мальчиков. Она выслушивала эти признания, добросовестно обещая никому не говорить. И держала свое слово. Оказывается, это было неправильно: от нее как раз ожидали разглашения. В обязанности задушевной подруги входило сообщить мальчику такому-то, что девочка такая-то считает его симпатичным; это запускало цепную реакцию взаимного интереса. «А почему бы тебе самой ему не признаться?» – говорила Элизабет потенциальным подружкам. – Вот же он стоит». Девчонки в ужасе шарахались.

– Элизабет... – позвал Кальвин. – Элизабет?

Нагнувшись над столом, он похлопал ее по руке.

– Прости, – сказал он, когда она вздрогнула. – Мне показалось, я на миг тебя потерял. Короче, что хотел сказать. Я люблю бракосочетания и пойду с тобой.

На самом деле он терпеть не мог бракосочетаний. В течение многих лет они только напоминали, что сам он до сих пор нелюбим. Но теперь у него появилась она: завтра она окажется в непосредственной близости к алтарю, и эта близость, по его расчетам, сможет изменить ее отношение к законному браку. У этой теории даже было научное название: ассоциативная интерференция.

– Нет, – поспешно возразила она. – У меня нет дополнительного приглашения, а кроме того, чем меньше народу увидит меня в этом платье, тем лучше.

– Брось, пожалуйста, – сказал он, протягивая свою могучую ручищу через разделявший их стол и заставляя Элизабет сесть. – Быть такого не может, чтобы Маргарет ждала тебя одну. Что же касается платья, оно наверняка не так уж безобразно.

– Вот именно, что так! – ответила она, включив интонацию научной уверенности. – Платье подружек невесты шьются с таким расчетом, чтобы у девушек был нелепый вид, тогда невеста на их фоне будет выглядеть красоткой. Это обычная практика, базовая защитная стратегия, уходящая корнями в биологию. Аналогичные явления сплошь и рядом наблюдаются в природе.

Кальвин вспомнил венчания, на которых ему довелось присутствовать, и понял, что в этом есть доля истины: ему ни разу не пришлось в голову пригласить на танец кого-нибудь из подружек невесты. Неужели одежда имеет такую власть над окружающими? Он посмотрел на Элизабет: жестикулируя своими крепкими руками, та описывала предназначенный для нее наряд – юбка-пуф, небрежные сборки на груди и в талии, жирный бант поверх ягодич. Ему

подумалось, что модельеры, придумывающие такие фасоны, уподобляются производителям бомб или порнозвездам: не иначе как они держат в тайне свой род занятий.

– Ну что ж, хорошо, что ты решила прийти на помощь своей знакомой. Только мне казалось, что венчания тебе претят.

– Нет, мне претит только законный брак. Мы с тобой это не раз обсуждали, Кальвин; моя позиция тебе известна. Но я рада за Маргарет. С некоторыми оговорками.

– С оговорками?

– Понимаешь, – сказала она, – Маргарет твердит, что в субботу вечером наконец-то превратится в миссис Питер Дикмен. Как будто смена именованья станет финишной чертой в той гонке, которую она ведет с шести лет.

– Она выходит за Дикмена? – переспросил Кальвин. – Из отдела клеточной биологии? – Дикмена он не переваривал.

– Точно, – подтвердила она. – Никогда не понимала, почему женщины при вступлении в брак должны сдавать свою прежнюю фамилию, а порой даже имя, как старую машину, в счет оплаты нового статуса: миссис *Джон* Адамс! Миссис *Эйб* Линкольн! Можно подумать, женщина два десятка лет живет под временной меткой и только после замужества становится полноценным человеком. Миссис Питер Дикмен. Звучит как пожизненный приговор.

«А вот Элизабет Эванс, – пронеслось в голове у Кальвина, – звучит идеально». Не успев себя одернуть, он нащупал в кармане миниатюрную синюю коробочку и решительно поставил перед нею на стол.

– Быть может, хоть это улучшит тебе настроение, подпорченное платьем, – выпалил он с неистово бьющимся сердцем.

– Коробочка для кольца, – объявил один из геологов. – Приготовьтесь, ребята: начинается помолвка.

Но выражение лица Элизабет как-то не соответствовало моменту.

Элизабет перевела взгляд с коробочки на Кальвина, и глаза ее расширились от ужаса.

– Мне известно твое отношение к браку, – торопливо заговорил Кальвин. – Но я долго думал и пришел к выводу, что у нас с тобой будет совершенно особенный брак. Нетипичный. Даже, можно сказать, увлекательный.

– Кальвин...

– К тому же брак нужно заключить из практических соображений. К примеру, для снижения налогов.

– Кальвин...

– Ты хотя бы взгляни на кольцо! – умолял он. – Я носил его при себе не один месяц. Прошу тебя.

– Не могу. – Элизабет отвела взгляд. – Тогда мне будет еще труднее сказать «нет».

Ее мать всегда утверждала, что о женщине судят по успешности ее брака. «Я могла выбрать Билли Грэма³, – часто повторяла она. – Не думай, что он мною не интересовался. Кстати, Элизабет, когда у тебя дойдет до помолвки, требуй самый большой камень. Если брак развалится, так хоть будет что в ломбард снести». Как выяснилось, мать исходила из собственного опыта. Когда они с отцом оформляли развод, оказалось, что мать уже трижды побывала замужем.

³ Я могла выбрать Билли Грэма... – Билли (Уильям Фрэнклин) Грэм (1918–2018) – теле- и радиопроповедник, был известным религиозным и общественным деятелем, духовным советником ряда президентов США.

– Я замуж не собираюсь, – отвечала ей Элизабет. – Я собираюсь посвятить себя науке. Женщины, преуспевшие в науке, не вступают в брак.

– Да что ты говоришь? – хохотала мать. – Ну-ну. Стало быть, ты хочешь выйти замуж за свою науку, как монахини выходят замуж за Иисуса? Впрочем, думай о монашках что угодно, однако у них муж никогда не будет храпеть. – Она ущипнула дочку за руку. – Ни одна женщина не откажется от замужества, Элизабет. И ты не станешь исключением.

Кальвин широко раскрыл глаза:

– Ты говоришь «нет»?

– Да, это так.

– Элизабет!

– Кальвин... – осторожно заговорила она, протягивая ладони к его рукам и вглядываясь в его сникшее лицо. – Мне казалось, у нас был уговор. Ты ведь сам ученый и наверняка понимаешь, почему вопрос замужества для меня исключается.

Но его лицо не выражало такого понимания.

– Потому что я не могу допустить, чтобы мой вклад в науку растворился в твоём имени, – разъяснила она.

– Правильно, – сказал он. – Конечно. Само собой. Значит, это сугубо рабочий конфликт.

– Конфликт, скорее, социальный.

– Да это же КОШМАР! – вскричал он, отчего те сотрудники, которые еще не глазели в их сторону, тут же переключили все свое внимание на несчастную пару в центре зала.

– Кальвин! – произнесла Элизабет. – Мы уже это обсуждали.

– Да, я знаю. Тебе претит смена фамилии. Но разве я когда-нибудь говорил, что меня не устраивает твоя фамилия? – запротестовал он. – Вовсе нет; напротив, я ожидал, что ты сохранишь свою девичью фамилию.

Это было не вполне правдиво. Кальвин предполагал, что она возьмет его фамилию. Тем не менее он сказал:

– В любом случае наше будущее счастье не должно пострадать, если некоторые по ошибке станут обращаться к тебе «миссис Эванс». Мы будем их поправлять.

Сейчас был не самый подходящий момент для того, чтобы сообщить ей о переименовании купчей на его небольшое бунгало: «Элизабет Эванс» – именно такое имя он продиктовал начальнику окружной канцелярии. Кальвин напомнил себе первым делом позвонить из лаборатории этому чиновнику.

Элизабет покачала головой:

– Наше будущее счастье не зависит от заключения брака, Кальвин, – во всяком случае, для меня. Я безраздельно предана тебе одному; свидетельство о браке этого не изменит. А кто что подумает... вопрос упирается не в горстку несведущих: вопрос упирается в социум, а конкретно – в научное сообщество. Все мои работы внезапно начнут ассоциироваться с твоим именем, как будто они выполнены тобой. Более того, люди в большинстве своем будут считать само собой разумеющимся, что это именно твои научные труды – хотя бы потому, что ты мужчина, но в особенности потому, что ты – Кальвин Эванс. У меня нет желания повторять судьбу Милевы Эйнштейн или Эстер Ледерберг⁴. Кальвин, я вынуждена тебе отказать. Даже если мы предпримем все юридические шаги к тому, чтобы обеспечить сохранность моей фамилии, она все равно изменится. Все будут называть меня миссис Кальвин Эванс; я превращусь в миссис Кальвин Эванс. Каждая рождественская открытка, каждое банковское уведомление, каж-

⁴ ...повторять судьбу... Эстер Ледерберг. – Эстер Мириам Циммер Ледерберг (1922–2006) – американский микробиолог, иммунолог, пионер генетики бактерий. Ее муж Джошуа Ледерберг получил в 1958 г. Нобелевскую премию «за фундаментальные исследования организации генетического материала у бактерий».

дое напоминание из налоговой инспекции будет адресовано мистеру и миссис Кальвин Эванс. А известная нам Элизабет Зотт прекратит свое существование.

– Значит, превращение в миссис Кальвин Эванс – это самая страшная трагедия из всех, которые тебя подстерегают. – От уныния у него вытянулось лицо.

– Я хочу остаться Элизабет Зотт, – сказала она. – Для меня это важно.

Они с минуту посидели в неловком молчании, по разные стороны от одиозного синего кубика – этакого несправедливого судьи напряженного матча. Против своей воли Элизабет попыталась представить, как выглядит скрытое внутри кольцо.

– Мне очень жаль, что так получилось, – сказала она.

– Пустяки, – сухо ответил он.

Элизабет не смотрела в его сторону.

– Сейчас разбегутся! – зашипел Эдди своим друзьям. – И вся любовь псу под хвост!

«Вот черт, – подумала Фраск. – Опять эта Зотт – девушка на выданье».

Впрочем, Кальвин не отступал. Через полминуты, не обращая ни малейшего внимания на десятки пар устремленных на него глаз, он выговорил намного громче, нежели планировал:

– Богом прошу, Элизабет, пойми. Это просто именование. Оно не играет роли. Важна только ты сама, вот что существенно.

– Хотелось бы верить.

– Это чистая правда, – упорствовал он. – Что в имени? Да ничего!

Она взглянула на него с внезапной надеждой:

– Ничего? В таком случае почему бы не сменить твою фамилию?

– На какую?

– На мою. Зотт.

От потрясения он вытаращил глаза:

– Очень смешно.

– Ну так что же мешает? – Ее голос звенел как струна.

– Ты уже знаешь ответ. Мужчины так не делают. И вообще, надо учитывать мои работы, мою репутацию. Я ведь... – Он запнулся.

– Ну-ну?

– Я же... Я...

– Говори.

– Хорошо. Я же знаменит, Элизабет. Мне нельзя менять фамилию.

– Ага, – сказала она. – То есть не будь ты знаменит, тогда смена твоей фамилии на мою была бы для тебя абсолютно приемлема. Так?

– Послушай... – сказал он, сгребая со стола синюю коробочку. – Так уж сложилось; эта традиция придумана не мной. Когда женщина вступает в брак, она берет фамилию мужа; девяносто девять и девять десятых процента женщин не имеют ничего против.

– И у тебя есть некое исследование, подтверждающее данный тезис, – сказала она.

– Какой?

– Что «девяносто девять и девять десятых процента женщин не имеют ничего против».

– Допустим, нет. Но я никогда не слышал ни одной жалобы.

– И причина, по которой тебе нельзя менять фамилию, заключается в том, что ты широко известен; хотя девяносто девять и девять десятых процента неизвестных мужчин тоже, как ни странно, сохраняют свои холостяцкие фамилии.

– Повторяю, – сказал он, засовывая коробочку в карман с такой яростью, что надорвал угол подкладки. – Эта традиция придумана не мной. И, как уже было сказано, я поддерживаю... поддерживал тебя в решении сохранить свою фамилию.

– Поддерживал.

– Я раздумал на тебе жениться.

Элизабет откинулась назад и больно ударилась о спинку стула.

– Гейм, сет, матч! – проскрипел один из геологов. – Коробочка вернулась в карман!

Кальвин закипал. День и без того выдался тяжелым. С утренней почтой он получил новую кипу дурковатых писем – главным образом от самозванцев, которые выдавали себя за его давно пропавших родственников. Ничего нового: как только он сделался мало-мальски известен, мошенники как с цепи сорвались. «Двоюродный дедушка», алхимик, требовал спонсорской поддержки своего проекта; «печальная мать» выдавала себя за биологическую родительницу Кальвина и предлагала финансовую поддержку ему самому; новоявленный кузен остро нуждался в наличных. Два письма поступили от женщин, которые якобы родили от него детишек и теперь требовали уплаты алиментов. И это притом, что за всю свою жизнь он спал только с одной женщиной – с Элизабет Зотт. Когда же это закончится?

– Элизабет... – молил он, приглаживая шевелюру растопыренными пальцами. – Пойми, прошу тебя. Я хочу, чтобы мы стали семьей... полноценной семьей. Для меня это важно – быть может, потому, что у меня не было настоящей семьи... не знаю. Но точно знаю другое: с момента нашей первой встречи меня не покидает ощущение, что нас должно быть трое. Ты, я и еще... еще...

Элизабет в ужасе вытаращила глаза.

– Кальвин... – с тревогой сказала она. – Я думала, об этом мы тоже договорились...

– Не знаю. Об этом у нас никогда разговор не заходил.

– Нет, заходил, – настаивала она. – Определенно заходил.

– Может, один раз, – уступил он. – Да это и разговором не назовешь. В полном смысле слова.

– Не знаю, как ты можешь, – запаниковала Элизабет. – Мы безоговорочно согласились: никаких детей. Ты ведь к этому клонишь?

– Да, но я подумал...

– Я же ясно сказала...

– Да знаю я, – перебил он, – но мне подумалось...

– Нехорошо брать свои слова назад.

– Побойся Бога, Элизабет, – его разбирала злость, – ты не даешь мне договорить...

– Давай! – бросила она. – Договаривай!

Он в отчаянии поднял на нее глаза:

– Мне всего лишь подумалось, что мы могли бы завести собаку.

По лицу Элизабет разлилось облегчение.

– Собаку? – переспросила она. – Собаку!

– Мать-перемать, – выдохнула Фраск, когда Кальвин наклонился поцеловать Элизабет.

По всей столовой эхом прокатилась аналогичная реакция. Во всех углах приборы с лязгом падали на подносы, стулья досадливыми рывками отодвигались от столов, салфетки комкались в грязные шарики. Это был токсичный шум глубокой зависти, которая не знает хеппи-энда.

Глава 7

Шесть-Тридцать

Желая выбрать для себя собаку, многие обращаются в питомник, некоторые едут в приют для бездомных животных, но иногда, особенно если так предначертано свыше, собака сама находит себе хозяина.

Примерно через месяц, субботним вечером, Элизабет выбежала в ближайшую кулинарию купить чего-нибудь на ужин. Когда она выходила из магазина с большой палкой салями и с прижатым к груди бумажным пакетом, полным всевозможных продуктов, ее заметил шелудивый, вонючий пес, прятавшийся в темном тупике. Хотя он уже пять часов лежал без движения, одного взгляда на эту женщину ему хватило, чтобы собраться с духом, встать на лапы и потрусить следом.

Кальвин, случайно оказавшийся у окна, увидел идущую к дому Элизабет, сопровождаемую – на почтительном расстоянии примерно в пять шагов – каким-то чудищем; и от созерцания этой сцены по телу Кальвина пробежала странная дрожь. «Элизабет Зотт, – услышал он собственный голос, – тебе предстоит изменить мир». И как только эта фраза слетела с его уст, он понял ее правдивость. Элизабет ожидали такие революционные, давно назревшие свершения, что имя ее, вопреки брюзжанию нескончаемой череды скептиков, обещало войти в историю. И словно в доказательство этого предвидения, сегодня у нее появился первый последователь.

– Дружка себе нашла? То-то, я смотрю, ты припозднилась! – крикнул он из окна, стряхнув эти нелепые ощущения.

– Шесть тридцать! – посмотрев на часы, крикнула она в ответ.

Пса по кличке Шесть-Тридцать следовало срочно окунуть в лохань. Долговязый, тощий, серый, заросший жесткой, словно колючая проволока, шерстью, будто бы чудом соскочивший с электрического стула, он стоял под душем как вкопанный, пока его отмывали с шампунем, и не сводил глаз с Элизабет.

– Может, завтра попытаемся разыскать его хозяев? – с неохотой предложила она. – Люди наверняка с ума сходят.

– У такого чучела хозяев быть не может, – заверил ее Кальвин и оказался прав.

Они раз за разом звонили в приют для бродячих собак, проверяли газетные объявления о пропаже домашних животных, но все напрасно. А хоть бы и не напрасно: Шесть-Тридцать не скрывал своего твердого намерения обживать новое место.

Кстати, «место» было первым словом, которое он усвоил, а в течение пары недель усвоил еще пять. Элизабет не переставала удивляться его способностям.

– Необыкновенный песик, ты согласен? – то и дело спрашивала она Кальвина. – Все схватывает на лету.

– Просто благодарный, – отвечал Кальвин. – Хочет сделать нам приятное.

Но Элизабет оказалась права: Шесть-Тридцать действительно схватывал все на лету и кое в чем разбирался.

Особенно в бомбах.

Прежде чем залечь в темном тупике, он проходил курс подготовки минно-разыскных собак на региональной базе корпуса морской пехоты Кемп-Пендлтон. К сожалению, там он оказался в числе отстающих. Мало того что ему почти никогда не удавалось в отведенное время унюхать бомбу, так еще приходилось выслушивать, как расхваливают заносчивых немецких

овчарок – те успевали все. В конце концов его отбраковали, причем с позором: злощипый инструктор вывез неудачника к черту на рога и бросил прямо на шоссе. Через две недели скитаний пес залег в темном тупике. А через две недели и пять часов его уже купала Элизабет, которая дала ему имя Шесть-Тридцать.

– Ты уверен, что нас пропустят с ним в Гастингс? – усомнилась Элизабет, когда в понедельник утром Кальвин заталкивал пса в машину.

– Конечно, а в чем проблема?

– Никогда не видела в институте собак. К тому же в лабораториях бывает попросту опасно.

– А мы будем за ним присматривать, – заверил Кальвин. – Собакам вредно целый день томиться в одиночестве. Им требуется поощрение к действию.

На сей раз прав оказался Кальвин. Шесть-Тридцать всем сердцем прикипел к базе морской пехоты: там он никогда не томился в одиночестве и, что еще важнее, обрел небывалое – цель жизни. Но не обошлось и без трудностей.

У минно-розыскной собаки есть выбор: либо (предпочтительный вариант) в отведенный промежуток времени найти бомбу, чтобы ее успели обезвредить, либо (нежелательный вариант, зато с посмертным награждением медалью) накрыть взрывное устройство своим телом, пожертвовав собой ради общего спасения. Бомбу в ходе дрессировки заменяет муляж, и брошившуюся на него собаку ждет разве что оглушительный хлопок и фонтан алой краски.

Этого оглушительного хлопка Шесть-Тридцать боялся до смерти. А потому изо дня в день, получив от инструктора команду «Ищи» и вмиг определив, что бомба заложена в пятидесяти ярдах к западу, он как нахлестанный удирал в противоположном направлении, тыкался носом в каждый камень и выжидал, когда другая, более храбрая собака отыщет эту адскую машинку и получит наградное печенье. Случалось, конечно, что другая собака оказывалась чересчур медлительной или неуклюжей: тогда ее ожидало только купанье в лохани.

– С собаками на территорию нельзя, доктор Эванс, – втолковывала Кальвину мисс Фриск. – Сотрудники жалуются.

– Мне лично никто не жаловался, – отвечал Кальвин и, зная, что на это никто не осмелится, только пожимал плечами.

Фриск тут же ретировалась.

В считанные недели Шесть-Тридцать тщательно проинспектировал институтскую территорию, запомнил каждый этаж, каждое помещение, все входы и выходы, как пожарный, чья обязанность – предотвратить катастрофу. Во всем, что касалось Элизабет Зотт, он пребывал в состоянии полной боевой готовности. В прошлом она много страдала, как подсказывала ему чуйка, и он вознамерился не допускать ничего подобного в будущем.

Элизабет относилась к нему сходным образом. Как подсказывала ей интуиция, Шесть-Тридцать тоже страдал, причем намного больше, чем предполагает судьба выброшенного на обочину пса, и тоже нуждался в защите. Если честно, это по ее настоянию он теперь спал у хозяйской кровати, хотя Кальвин намекал, что на кухне животному будет вольготней. Но Элизабет одержала верх: Шесть-Тридцать сохранил за собой полюбившееся место и теперь пребывал в полном счастье, за исключением тех моментов, когда Кальвин и Элизабет неуклюже сплетали руки-ноги в какой-то бесформенный клубок, да еще сопровождали свои нелепые телодвижения сопеньем – ни дать ни взять удавленники. Животные, конечно, тоже своего не упускают, но у них выходит куда ловчее. А людям, как заметил Шесть-Тридцать, свойственно все усложнять.

Если же эта кутерьма переносилась на раннее утро, Элизабет не залеживалась в постели, а почти сразу вставала и шла готовить завтрак. Согласно первоначальной договоренности, она в счет погашения своей доли арендной платы обязалась готовить ужины пять раз в неделю, но вскоре добавила к ним завтраки, а там и обеды. Элизабет не считала стряпню какой-то женской обузой. Кулинария, говорила она Кальвину, – это все равно что химия. А почему? Да потому, что кулинария и *есть* химия.

«При 200 °C / 35 мин = потеря одной мол. H₂O на мол. сахарозы; итого 4 за 55 мин = C₂₄H₃₆O₁₈, – написала она в одной из своих тетрадей. – Так что бисквитное тесто еще не готово. Маловато воды ушло».

– Как дела? – кричал ей Кальвин из соседней комнаты.

– Чуть не потеряла атом в процессе изомеризации! – кричала она в ответ. – Приготовлю, пожалуй, что-нибудь другое. Ты там Джека смотришь?

Имелся в виду Джек Лаланн, знаменитый телевизионный фитнес-гуру, самоназначенный ревнитель здорового образа жизни, требовавший от телезрителей неустанной заботы об организме.

Она могла бы не спрашивать: до ее слуха доносились команды этого человека-раскидайчика: «Вверх-вниз, вверх-вниз».

– А как же! – отдуваясь, кричал из комнаты Кальвин: Джек требовал еще десяти отжиманий. – Присоединишься?

– Я денатурирую белок, – уклонялась она.

– А теперь – бег на месте, – скомандовал Джек.

Несмотря на увещания телетренера, одно упражнение Кальвин не признавал ни в какую: бег на месте. Пока Джек бегал на месте в какой-то причудливой обуви, похожей на балетные туфли, Кальвин дополнительно качал пресс. Бегать перед телевизором на пуантах Кальвин не видел смысла; пробежку он всегда совершал в кроссовках, причем на открытой местности. Это сделало его одним из первых джоггеров, причем задолго до того, как бег трусцой стал называться джоггингом и приобрел неслыханную популярность. К сожалению, обыватели, не знакомые с концепцией джоггинга, обрывали телефон полицейского участка: дескать, какой-то полуголый субъект в одних трусах носится среди жилых домов, пыхтя сквозь лиловые губы. Поскольку Кальвин облюбовал для себя не более четырех-пяти маршрутов, полиция вскоре перестала реагировать на сигналы горожан. «Это же не какой-нибудь злодей, – отвечал по телефону дежурный, – это наш Кальвин. Ну не нравится ему бег на месте в балетных туфлях».

– Элизабет! – опять закричал Кальвин. – Где Шесть-Тридцать? Тут Счастливчика показывают.

Пес Счастливчик принадлежал Лаланну. Время от времени он появлялся на экране вместе с хозяином, но в таких случаях Шесть-Тридцать всегда выходил из комнаты. Элизабет подозревала, что для него вид немецкой овчарки – не слишком большое счастье.

– Он тут, со мной, – ответила она.

И повернулась к нему, держа на ладони яйцо.

– Даю совет, Шесть-Тридцать: никогда не разбивай яйца о край миски – в нее могут попасть осколки скорлупы. Лучше возьми остро заточенный нож с тонким лезвием и ударь по яйцу резко и коротко сверху вниз, как хлыстом. Это понятно? – спрашивала она, когда содержимое скорлупы соскальзывало в миску.

Шесть-Тридцать наблюдал не моргая.

– Теперь я разрушаю внутренние связи в яйце, чтобы удлинить аминокислотную цепь, – поучала она, орудуя венчиком. – Это позволит высвобожденным атомам связаться с другими атомами, высвобожденными аналогичным способом. Затем, при постоянном перемешивании,

вылью полученную смесь на поверхность из железоуглеродистого сплава и передам ей такое количество теплоты, чтобы смесь достигла почти полной коагуляции.

– Лаланн – просто животное, – объявил Кальвин, входя в кухню во влажной футболке.

– Согласна. – Сняв с огня сковородку, Элизабет разделила яичницу на две порции. – Потому что люди по определению животные. В строгом смысле слова. Хотя иногда мне думается, что те животные, которых мы считаем животными, куда более развиты, нежели те животные, которыми являемся мы сами, не считая себя таковыми.

Ища подтверждения, она посмотрела на Шесть-Тридцать, но даже он не смог разобраться в этой грамматике.

– А знаешь, Джек навел меня на одну мысль, – сказал Кальвин, опуская в кресло свой могучий корпус, – и думаю, ты ее одобришь. Я буду обучать тебя гребле.

– Передай, пожалуйста, натрий-хлор.

– Тебе понравится. Для начала сядем с тобой в двойку распашную, а можно сразу в парную. Будем любоваться восходом солнца над водной гладью.

– Меня это не особенно привлекает.

– Начать сможем хоть завтра.

Кальвин тренировался три дня в неделю, но садился всегда в «одиночку». Гребцы высокого уровня нередко используют такой метод: когда они оказываются в скифе вместе с товарищами по команде, которые знают друг друга почти на клеточном уровне, им порой бывает трудно подстроиться под остальных. Элизабет знала, как он скучает по кембриджской восьмерке. Но сама греблей не интересовалась.

– Да не хочу я. Кроме того, у вас тренировки начинаются в полпятого утра.

– У меня – в пять, – указал он, как будто подчеркивая огромную разницу. – В полпятого я только из дому выезжаю.

– Нет, не хочу.

– Почему?

– Нет!

– Но почему?

– Потому что в такое время я еще сплю.

– Не вопрос. Будем ложиться пораньше.

– Нет.

– Первым делом познакомлю тебя с эргомом – так у нас называется гребной тренажер. В эллинге несколько штук есть, но я хочу собрать свой, для домашнего пользования. Затем пересядем в лодку – в скиф. К апрелю будем скользить по заливу, любоваться восходом солнца и добьемся абсолютной слаженности.

Но тут даже Кальвин понял, что слишком размахнулся. Во-первых, за месяц грести не научишься. Большинство новичков осваивают технику под руководством опытного тренера самое меньшее за год, но чаще за три года, а некоторые и вовсе не справляются. Что же до скольжения по заливу, такого не существует. Чтобы достичь той стадии, когда гребля хотя бы отдаленно будет напоминать скольжение, нужно, вероятно, достичь олимпийского уровня, и физиономия твоя на протяжении полета по гребному каналу будет выражать не спокойное умиротворение, а еле сдерживаемую муку. Иногда к ней примешивается выражение решимости, которое обычно указывает, что непосредственно после этой гонки ты планируешь переключиться на другой вид спорта. Однако, выносив эту мысль, Кальвин уже не мог от нее отказаться. Грести в паре с Элизабет. Уму непостижимо!

– Нет.

– Да почему?

– Потому что потому. Женщины не гребут.

Но как только прозвучали эти слова, она пожалела, что не придержала язык.

– Элизабет Зотт! – поразился Кальвин. – Ты хочешь сказать, что женщинам *не дано* освоить греблю?

На этом в споре была поставлена точка.

Утром они вышли из своего бунгало затемно: Кальвин – в старой футболке и тренировочных штанах, Элизабет – в каких-то с трудом раскопанных шмотках, отдаленно напоминающих спортивные. На подъезде к гребному клубу Шесть-Тридцать и Элизабет посмотрели в автомобильное окно и увидели на скользком пирсе некоторое количество тел, занимающихся общефизической подготовкой.

– Не лучше ли перейти в зал? – спросила Элизабет. – Темно же.

– В такое утро? – (В воздухе висел туман.)

– Я думала, ты не любишь дождь.

– Дождя нет.

По меньшей мере в сороковой раз Элизабет усомнилась в этой затее.

– Начнем с азов, – сказал Кальвин, приведя ее и Шесть-Тридцать в элинг – длинное пещероподобное строение, пропахшее плесенью и потом.

Когда они шли вдоль стеллажей с поднимающимися к потолку рядами узких деревянных лодок-скифов, похожих на аккуратно уложенные зубочистки, Кальвин кивнул какому-то замызанному типу; тот, еще не готовый для разговоров, зевнул и ответил ему таким же кивком.

Остановились они только тогда, когда Кальвин нашел искомое: гребной тренажер, тот самый эрг, задвинутый в неприметный угол. Этот агрегат был тут же вытасчен на середину прохода и установлен между двумя стеллажами.

– Сначала о главном, – сказал Кальвин. – О технике.

Он сел и принялся налегать на весла; дыхание вырывалось из него серией мучительных коротких импульсов, не знаменовавших ни легкости, ни удовольствия.

– Вся штука в том, чтобы запястья держать ровно, – пропыхтел он, – колени не задирать, включать мышцы живота, а также... – Дальнейшее перечисление утонуло в его тяжелом дыхании, а через пару минут он и вовсе забыл про стоящую рядом Элизабет.

Сопровождаемая верным псом, она отправилась обследовать элинг и помедлила у стойки с лесом весел, длинных, как игрушки великанов. Рядом стояла большая витрина со спортивными трофеями; лучи рассветного солнца только-только начали выхватывать коллекцию серебряных кубков и старых комплектов спортивной формы – доказательств превосходства тех, кто превосходил соперников быстротой, техничностью или выносливостью, а то и всеми тремя качествами. Эти смельчаки, по словам Кальвина, показывали такую собранность, которая позволяла им первыми пересечь линию финиша.

Наряду со спортивной формой здесь были выставлены фотографии дюжих парней с гигантскими веслами, но на общем фоне выделялся один: молодой человек с комплекцией жокея, столь же серьезный, сколь и subtilный, плотно сжавший губы в угрюмую линию. Из рассказов Кальвина она поняла, что это рулевой: тот, кто решает, что и когда должны делать гребцы: наращивать ритм, поворачивать, обгонять другую лодку, прибавлять скорость. Ей нравилось, что один миниатюрный человечек держит в узде восьмерку диких жеребцов: его голос – для них команда, его руки – для них руль, его ободрение – для них горючее.

Элизабет обернулась посмотреть, как собираются другие гребцы: каждый уважительно кивал Кальвину, который продолжал терзать шумный тренажер; несколько человек с оттенком зависти смотрели, как он прибавляет количество гребков в минуту с такой очевидной плавностью, что даже Элизабет усматривала в ней признак врожденного атлетизма.

– С нами-то когда грести собираешься, Эванс? – спросил один из наблюдателей, хлопнув его по плечу. – Мы найдем, как твою энергию в дело пустить!

Если Кальвин хоть что-то услышал или почувствовал, он не подал виду. Взор его был устремлен вперед, корпус двигался равномерно.

Надо же, подумалось ей, он и здесь – легенда. Об этом говорила не только их уважительность, но и то подобострастие, с которым они огибали выдвинутый на середину прохода тренажер и сидящего на нем Кальвина. Рулевой, закипая, оценил ситуацию.

– Руки на борт! – выкрикнул он восьмерым гребцам, и те одним прыжком выстроились вдоль борта своего скифа, чтобы взвалить тяжелую лодку на плечи.

– Выдвигаем, – скомандовал рулевой. – Попарно взяли.

Но всем было ясно, что далеко они не уйдут, если Кальвин будет восседать посреди прохода.

– Кальвин! – горячо зашептала Элизабет, подкравшись к нему сзади. – Ты у людей на дороге. Надо их пропустить.

Но он только наяривал.

– Господи... – выдохнул рулевой сквозь зубы. – Что за человек!

Он бросил взгляд на Элизабет, сделал нетерпеливый жест большим пальцем, требуя, чтобы она отошла, а сам присел на корточки за левым ухом Кальвина.

– Молодчага, Каль! – проревел он. – За расстоянием следи, сукин ты сын. Тебе пятьсот пройти надо, а ты ковыряешься. Оксфорд ускоряется по правому борту, на обгон идут.

Элизабет не верила своим ушам.

– Прошу прощения, но... – начала она.

– Я знаю, это не все, на что ты способен, Эванс, – прорычал рулевой, отрезав ее от Кальвина. – Не беси меня, ты, долбогреб! На счет «два» по моей команде выдай двадцать гребков, уделай этих оксфордских засранцев; пусть пожалеют, йопта, что на свет родились, ты их порвешь, Эванс, прибавь, брат, выдадим тридцать два, потом сорок, бляха, по моей команде: раз, два, прибавь, **ВЫЖМИ ДВАДЦАТЬ, ТЫ, МАЗАФАКА!** – орал он. – **ДАВАЙ!**

Элизабет не знала, что потрясло ее сильнее: брань этого коротышки или то напряженное внимание, с которым реагировал на нее Кальвин. Через несколько мгновений после того, как прозвучали выражения «ты, долбогреб» и «засранцы», лицо Кальвина исказила гримаса безумия, какую увидишь разве что в фильмах про зомби. Он налегал на весла все сильнее и учащал гребки, выдыхал как паровоз, а коротышка по-прежнему орал на Кальвина, требуя невозможного и получая невозможное, а сам считал гребки, словно злой секундомер: Двадцать! Пятнадцать! Десять! Пять! А потом счет заглох и осталось одно простое слово, с которым Элизабет не могла не согласиться.

– Хорош, – сказал рулевой.

Тут Кальвин обмяк и резко завалился вперед, как от выстрела в спину.

– Кальвин! – вскричала Элизабет, бросаясь к нему. – Боже, что с тобой?

– Да все путем, – сказал рулевой. – Верно я говорю, Каль? А теперь убирай с прохода эту фигню, а то раскорячился тут нахер.

И Кальвин закивал, лоя ртом воздух.

– Будет... сделано... Сэм, – отдувался он, – и... спасибо... Но... сперва... хочу... представить... Элиз... Элиз... Элизабет Зотт. Мы... пара... партнеры.

На нее тут же обратились взгляды всех присутствующих.

– В паре с Эвансом! – вытаращил глаза один из гребцов. – А чем ты так отличилась? Олимпийское золото взяла?

– Что-что?

– В женской команде гребла, что ли? – спросил рулевой: теперь его распирало от любопытства.

– Да нет, я на самом деле вообще не... – Тут она вдруг умолкла. – А разве бывают женские команды?

– Она только учится, – отдышавшись, разъяснил Кальвин. – Но уже показывает класс. – С глубоким вдохом он выбрался из тренажера и стал оттаскивать его в сторону. – К лету будем с вами рассекать.

Элизабет была не уверена, что все правильно поняла. Что он собрался рассекать? Или имелось в виду «соревноваться»? Нет, не может быть. Он же собирался любоваться восходами?

– Знаете что? – тихо сказала она рулевому, когда Кальвин отошел за полотенцем. – Наверное, это не мое...

– Твое, твое, – не дал ей закончить рулевой. – Эванс никогда в жизни не посадит к себе в лодку чайника. – Потом он зажмурил один глаз и прищурился. – Ага. Теперь я и сам вижу.

– Что? – удивилась она.

Но он уже отвернулся и стал выкрикивать команды гребцам, чтобы те несли лодку на пирс.

– Ногу в лодку! – услышала она его лай. – Сели!

Не прошло и минуты, как скиф уже скрылся в густом тумане, а перед тем на лицах спортсменов читалась странная решимость, несмотря на то что с неба капали жирные, холодные капли дождя, предвещающая еще больший дискомфорт.

Глава 8

Без напряжения

В первый же день на открытой воде они с Кальвином, сидя в двойке, опрокинулись. На другой день опять. И на третий.

– Что я делаю не так? – спросила она, задыхаясь и стуча зубами от холода, когда они толкали к пирсу длинный, тонкий скиф.

Элизабет утаила от Кальвина один сущий пустяк. Она не умела плавать.

– Все, – вздохнул он.

И продолжил минут через десять.

– Как я уже говорил, – он указал на гребной тренажер, направляя туда Элизабет, еще не успевшую переодеться в сухое, – гребля требует безупречной техники.

Пока она подгоняла под свой рост упор для ног, Кальвин объяснил, что гребец обычно прибегает к эргометру в тех случаях, когда на заливе штормит, когда он тренируется на время или когда у тренера совсем уж паршивое настроение. И если спортсмен себя не щадит, его – обычно во время теста на функциональное состояние – может и стошнить. А потом добавил, что после эрга даже самый тяжелый заезд на воде будет подарком судьбы.

И тем не менее у них раз за разом повторялось одно и то же: каждый новый день оказывался хуже предыдущего. С утра пораньше они уже барахтались в воде. А все потому, что Кальвин так и не озвучил одну простую истину: двойка – самая трудная в управлении лодка. Для овладения техникой она подходит примерно так же, как стратегический бомбардировщик – для обучения пилотированию. Но разве у Кальвина был выбор? Понятно, что мужская команда восьмерки нипочем не села бы в одну лодку с женщиной, а уж тем более с той, которая способна загубить любой выход на воду. Не ровен час, такая дамочка поймает краба и переломает себе ребра. Что значит «поймать краба», он ей пока не объяснил. В силу очевидных причин.

Поставив лодку в исходное положение, они перелезли через борт.

– Проблема в том, что ты при подъезде торопишься. Умерь свой пыл, Элизабет.

– Я и так еле двигаюсь.

– Нет, ты торопишься. Это одна из самых грубых ошибок. Поспешишь – людей насмешишь.

– Да уймись ты, Кальвин.

– И захват слишком медленный. Цель – набрать скорость. Усвоила?

– Теперь усвоила, – фыркнула она с кормы. – Тише едешь – дальше будешь.

Он хлопнул ее по плечу, словно одобряя такую понятливость:

– Вот именно!

Дрожа от озноба, Элизабет крепче сжимала весло. Что за идиотский спорт! В течение следующих тридцати минут она пыталась выполнять его противоречивые указания: «Руки выше; нет, опусти! Наклон вперед; да нет же, куда так далеко! Господи, ну что ты сторбилась, что ты вытянулась, опять торопишься, опять запаздываешь!» В конце концов даже сама лодка, не выдержав таких мучений, снова опрокинула их в воду.

– Может, и впрямь напрасная это затея, – пробормотал Кальвин, когда они шагали назад к эллингу, а тяжеленный скиф впивался в их мокрые плечи.

– Что мне больше всего мешает? – спросила Элизабет, когда они опускали скиф на стойку, и приготовилась услышать худшее. Кальвин всегда твердил, что гребля требует высо-

чайшей степени слаженности; не в этом ли заключалась ее проблема – ведь она, по мнению своего босса, подлаживаться под команду не умела. – Говори как есть. Без утайки.

– Физика, – ответил Кальвин.

– Физика, – с облегчением повторила она. – Как хорошо!

– Все ясно, – сказала Элизабет после обеда в институтской столовой, листая учебник физики. – Гребля – это простое соотношение кинетической энергии, приложенной к центру масс лодки, и сопротивления воды движению. – (В ее блокноте появилось несколько формул.) – Нужно также учитывать силу тяжести, – добавила она, – и плавучесть, передаточное число, скорость, равновесие, эффект рычага, длину весла, тип лопасти...

Чем больше она высчитывала, тем больше записывала, постепенно открывая для себя нюансы гребли при помощи сложных алгоритмов.

– Надо же. – Элизабет откинулась на спинку стула. – В гребле ничего мудреного нет.

– Что я вижу! – воскликнул Кальвин через два дня, когда их лодка свободно заскользила по воде. – Ты ли это?

Элизабет не ответила: она прокручивала в уме все те же формулы. Отдыхающие гребцы оставшейся позади мужской восьмерки дружно повернули головы и проводили взглядом двойку.

– Видали? – гневно вскричал рулевой. – Нет, вы видали, как она херачит без малейшего напряжения?

Между тем примерно через месяц ее начальник, доктор Донатти, именно это поставил ей в вину.

– Вы слишком напрягаетесь, мисс Зотт, – на ходу изрек он и помедлил, сжав ей плечо. – Абиогенез – штука чисто аспирантская и университетская, да и чересчур тяготящая, чтобы заниматься ею всерьез. А к тому же, не поймите превратно, эта проблематика вам не по уму.

– А как еще прикажете это понимать? – Она стряхнула его руку.

– Поранились? – Оставив без внимания тон Элизабет, Донатти взял в ладони ее перебинтованные пальцы. – Если не справляетесь с лабораторной техникой, то знайте: вы всегда можете призвать на помощь кого-нибудь из мужчин.

– Я занялась греблей. – Элизабет отдернула пальцы. Невзирая на ее недавние успехи, последние несколько заездов обернулись полным крахом.

– Греблей, неужели? – Донатти вытаращил глаза.

Снова Эванс.

Донатти и сам занимался греблей, причем не где-нибудь, а в Гарварде, и однажды, когда случай свел его команду с хваленой восьмеркой Эванса на Королевской регате Хенли, будь она трижды проклята, потерпел сокрушительное поражение. Тот катастрофический провал (с отставанием на семь корпусов), очевидцами которого стала лишь горстка однокашников, сумевших что-то разглядеть поверх моря огромных шляп, команда объяснила расстройством желудка после съеденной накануне рыбы с жареным картофелем, обойдя молчанием невероятное количество пива, сопровождавшего эту закуску.

Иными словами, на старт они вышли с бодуна.

После финиша тренер велел им поздравить манерных кембриджских везунчиков. Тогда-то Донатти впервые услышал, что в команду Кембриджа затесался один американец, причем американец, у которого были свои счета с Гарвардом. Пожимая руку Эвансу, Донатти выдавил: «Хороший заезд», а Эванс, не утруждая себя ответной вежливостью, брякнул: «Господи, да ты никак с бодуна?»

Донатти тут же его невзлюбил, и неприязнь эта троекратно усилилась, когда ему сообщили, что Эванс, как и он сам, студент химфака, причем не просто Эванс, а Кальвин Эванс – тот выскочка, который уже сделал себе имя в мире науки.

Стоило ли удивляться, что через несколько лет, когда Эванс принял сформулированное самим Донатти отнюдь не лестное предложение института Гастингса, Донатти не слишком обрадовался? Во-первых, Эванс его не узнал – какое хамство. Во-вторых, Эванс, похоже, сохранил прекрасную физическую форму – вот досада. В-третьих, Эванс заявил журналу «Кемистри тудей», что принял эту должность не из-за кристально безупречной репутации Гастингса, а исключительно по причине здешнего климата, который, мать-перемать, его устраивает. Что тут скажешь – дебилоид. Утешаться оставалось одной мыслью. Он, Донатти, возглавляет сектор химии, причем не только потому, что папа его играет в гольф с генеральным директором, не только потому, что генеральный, на минуточку, приходится ему крестным отцом, и, уж конечно, не потому, что женат он на дочери этого достойного человека. Короче: теперь великий Эванс поступил к нему в подчинение.

Чтобы сразу показать, кто тут главный, он вызвал этого мудозвона к себе на совещание, а сам намеренно пришел в переговорную на двадцать минут позже. Но к сожалению, оказался в гордом одиночестве, потому как Эванс вообще не соизволил явиться.

- Пардон, Дино, – обратился к нему позже Эванс. – Штаны просиживать – это не мое.
- Я бы попросил: Донатти.

И что теперь? Элизабет Зотт. Не нравится ему эта Зотт. Наглая, башковитая, упрямая. И что еще хуже, ни черта не смыслит в мужчинах. Впрочем, сам он, в отличие от многих, отнюдь не считает Зотт привлекательной. Взгляд его упал на семейную фотографию в серебряной рамке: трое лопоухих мальцов, поставленных, будто в скобки, между ним и остроносой Эдит. Они с Эдит, как и полагается супружеским парам, образовали команду не за счет общих интересов типа гребли – боже упаси, – а за счет установленного природой и обществом разделения мужского и женского начал. Она рождает, он снабжает. Нормальный брак, плодovitый, совершенный на небесах. Случались ли у него интрижки на стороне? Что за вопрос. Как у всех, правда же?

- ...в основе которого лежит моя гипотеза... – говорила Зотт.

Какая, к черту, гипотеза? У Зотт было еще одно ненавистное ему свойство: она перла напролом. Жестко. Не видя берегов. Если вдуматься – типичные гребцовские качества. Сам-то он давно не сидел в лодке. Интересно, есть ли в городе хоть одна женская команда? В самом деле, не могут же они с Эвансом составить пару. Гребец такого уровня, как Эванс, нипочем не сядет в лодку с неумехой, даже если он с ней спит. Вернее, так: особенно если он с ней спит. Предположительно, Эванс записал ее в какую-нибудь команду начинающих, а Зотт согласилась, желая, по обыкновению, утереть нос всем и каждому. От одной мысли о кучке этих амбициозных девиц, которые машут веслом, как непослушной лопатой, его передернуло.

- ...и менять курс я не намерена, доктор Донатти... – провозгласила Зотт.

Ну да, ну да. Любимая женская фраза: «Я не намерена».

Зато он намерен. Не далее как вчера вечером у него созрел новый план, как разобраться с этой Зотт. Надо увести ее у Эванса. Чтобы сбить с мужика спесь, лучше способа не придумаешь, точно? А устроив для романа Эванс – Зотт крушение со смертельным исходом, немедленно ее бросить и преспокойно вернуться к своей вечно беременной жене-домохозяйке и невыносимо горластым отпрыскам, вот и все дела.

Его новый план был несложен: вначале подорвать самомнение Зотт. Женщину раздавить ничего не стоит.

– Я ведь уже говорил, – с нажимом сказал Донатти, поднялся со стула и, втянув живот, указал ей на дверь. – Такая работа тебе не по уму.

Элизабет брела по коридору, и кафельный пол под ее каблучками отзывался грозным стаккато. Чтобы успокоиться, она старалась дышать глубже, но дыхание ураганом вылетало обратно. Сделав резкую остановку, она грохнула кулаком по стене и немного помедлила, чтобы перебрать доступные варианты действий.

Выступить с повторной презентацией.

Уволиться.

Поджечь институт.

Ей не хотелось этого признавать, но слова Донатти подлили масла в полыхающий огонь ее неуверенности в себе. В плане образования и опыта она уступала своим коллегам. Тем было что предъявить: послужные списки, публикации, отзывы сокурсников, источники финансирования, награды. И все же она знала – она *знала*, – что создана для чего-то высокого. Некоторым на роду написано выделиться из общего ряда; она была именно из таких. Элизабет прижала ко лбу ладонь, словно опасаясь, что голова ее взорвется.

– Мисс Зотт? Прошу прощения. Мисс Зотт?

Голос доносился ниоткуда.

– Мисс Зотт!

Из-за ближайшего угла выглядывал жидковолосый парень со стопкой каких-то бумаг. Это был доктор Боривиц, который, как и многие другие сотрудники лаборатории, нередко обращался за помощью к Элизабет, стараясь при этом держаться вдали от посторонних глаз.

– Не могли бы вы просмотреть вот это, – сказал он вполголоса, жестом подзывая ее к себе и встревоженно морща лоб. – Мои последние экспериментальные данные. – Он сунул ей в руку какой-то лист бумаги. – Мне думается, это прорыв, а вы как считаете? – У него тряслись руки. – Есть тут новизна?

На его лице застыло вечно испуганное выражение. Для всех было загадкой, как доктор Боривиц умудрился защитить диссертацию по химии, а тем более – получить место в Гастингсе. Порой, судя по его виду, он и сам этому дивился.

– Быть может, ваш молодой человек заинтересуется? – продолжал Боривиц. – Вас не затруднит ему это показать? Вы ведь туда сейчас направляетесь? К нему в лабораторию? Разрешите, я с вами. – Он протянул руку и уцепился за ее предплечье, как за спасательный круг, чтобы продержаться на плаву до сближения с большим спасательным судном в образе Кальвина Эванса.

Элизабет осторожно высвободила листы из его стиснутых пальцев. Несмотря на убогий вид Боривица, она симпатизировала этому человеку. Вежливый, настоящий профессионал. Кое-что их роднило: оба оказались здесь не ко времени и не к месту, но по совершенно разным причинам.

– Доктор Боривиц, дело в том, – Элизабет, изучая его выкладки, постаралась отрешиться от собственных неприятностей, – что здесь у вас макромолекула из повторяющихся элементов, соединенных пептидными связями.

– Верно, верно.

– Иными словами – это полиамид.

– Поли... – У него вытянулось лицо. Даже он знал, что с полиамидами работают давным-давно. – Быть может, вы ошиблись, – сказал он. – Взгляните еще разок.

– Результат неплохой, – мягко сказала она. – Просто эти доказательства уже получены.

Он обреченно покачал головой:

– Значит, идти с этим к Донатти нет смысла.

– По большому счету вы заново открыли нейлон.

– И в самом деле, – выговорил он, разглядывая свои записи. – Вот дьявольщина.

Он втянул голову в плечи. Последовало неловкое молчание. Затем он посмотрел на часы, будто они могли подсказать ответ.

– А это что у вас? – в конце концов заговорил он, указывая на ее перебинтованные пальцы.

– Да так, ничего. Я занимаюсь греблей. Пытаюсь.

– И как, получается?

– Нет.

– Тогда зачем вам это?

– Точно сказать не могу.

Он покачал головой:

– Как же я вас понимаю.

– Как подвигается твой проект? – спросил Кальвин пару недель спустя, когда они с Элизабет обедали в институтской столовой.

Надкусив сэндвич с индейкой, он принялся энергично жевать, дабы не выболтать, что ответ ему известен. Ответ был известен всем.

– Прекрасно, – ответила она.

– Сложностей не возникает?

– Никаких. – Она отпила чуть-чуть воды.

– Если потребуется моя помощь, ты всегда можешь рассчитывать...

– Твоя помощь не требуется.

Кальвин огорченно вздохнул. В ней говорит какая-то наивность, подумалось ему, если она считает, что на жизненном пути человеку нужна только твердость. Разумеется, твердость – важнейшая черта характера, но к ней должна прилагаться удача, а если удача не идет в руки, то помощь. Без которой никак. Вероятно, помощь ей никогда не предлагали, вот она и привыкла считать, что это лишнее. Сколько же раз она повторяла, что терпенье и труд все перетрут? Он уже сбился со счета. И это притом, что жизнь убедительно доказывала обратное. Особенно в Гастингсе.

Полностью разделавшись с домашним обедом (Элизабет, считай, не прикоснулась к своей порции), он пообещал себе никогда за нее не просить. Надо уважать ее желания. Хочет она действовать самостоятельно? Да он палец о палец не ударит.

– У тебя проблемы, Донатти? – взревел он минут через десять, ворвавшись в кабинет к боссу. – Бьешься над происхождением жизни? Сражаешься с давлением Церкви? Абиогенез по большому счету опровергает существование Бога, и ты боишься, что в Канзасе такое не прокатит? По этой причине ты и заворачиваешь работу Зотт? И еще смеешь называть себя ученым.

– Каль... – Донатти непринужденно сцепил руки за головой. – Обожаю с тобой потрепаться, но сейчас я немного занят.

– Другое реальное объяснение вижу только одно, – продолжал Кальвин, засунув руки в карманы широких брюк цвета хаки. – Ты не способен понять ее работу.

У Донатти глаза вылезли из орбит, а с губ слетело затхлое воздушное облачко. Ну почему люди блестящего ума настолько тупы? Будь у Эванса хоть малая толика мозгов, он бы сообразил, что кто-то подбивает клинья к его аппетитной подружке.

– Если честно, Каль, – Донатти затушил сигарету, – я старался поднять ее работу на новый уровень. Дал ей шанс на сотрудничество непосредственно со мной в рамках очень важного проекта. Чтобы она могла показать себя с другой стороны.

«Ну вот, – подумал Донатти, – показать себя с другой стороны – куда уж яснее?» Но Кальвин знай твердил о результатах ее недавних исследований, как будто этот разговор касался исключительно работы. Непроходимая тупость.

– Мне предложения шлют каждую неделю, – с угрозой в голосе сказал Кальвин. – Работать в лаборатории можно где угодно – на Гастингсе свет клином не сошелся!

Началось. Сколько раз Донатти это слышал? Кто бы сомневался: в мире науки Эванс – лакомый кусок; да, финансирование института в значительной степени зависит от одного лишь его присутствия в штате. Но причина-то в том, что инвесторы ошибочно полагают, будто имя Эванса притягивает и других толковых ученых. Что-то незаметно. Впрочем, как ни крути, расставаться с Эвансом ему сейчас невыгодно; другое дело – если бы тот с треском провалился: слетел с катушек от женской измены, пустился во все тяжкие, напрочь испортил свою репутацию и запорол бы все текущие исследования. Вот тогда – попутный ветер.

– Повторюсь, – размеренным тоном ответил Донатти, – я лишь попытался дать мисс Зотт возможность личного роста... хочется поддержать ее карьеру.

– Она сама в состоянии позаботиться о своей карьере.

Донатти хохотнул:

– В самом деле? Однако же сюда прискакал *ты*.

Но Донатти умолчал о том, что в бочку меда, которую сулило ему избавление от Зотт, кое-кто плеснул огромный ковш дегтя. Некий спонсор-толстосум.

Как гром среди ясного неба возник два дня назад и порывался вложить неограниченные средства – куда бы вы думали? – в работы по абиогенезу. Донатти вежливо возразил. Поинтересовался: а почему не в исследования липидного обмена? Или митоза? Но благодетель уперся: либо абиогенез, либо до свидания. У Донатти не оставалось выбора – пришлось вернуть Зотт к нелепому делу всей ее жизни, сопоставимому разве что с полетами на Марс.

Но если честно, у него с ней все равно не заладилось. Зотт упрямо пропускала мимо ушей его многократные выпады из серии «вам это не по уму». Ни разу не отреагировала должным образом. Где самобичевание? Где слезы? Она либо гнула свое про абиогенез, но в других, более научных выражениях, либо шипела: «Только попробуйте еще раз ко мне прикоснуться – пожалеете». Что Эванс в ней нашел? Пусть себе оставит. Найдутся другие способы прижать это светило.

– Кальвин! – выпалила немногим позже Элизабет, врываясь к нему в лабораторию. – У меня потрясающая новость! Ты уж прости, я кое-что недоговаривала, но лишь потому, что не хотела тебя втягивать. С месяц назад Донатти завернул мой проект, но я не сдавалась. И сегодня моя борьба увенчалась успехом. Он изменил свое решение: сказал, что досконально изучил проделанную мной работу и нашел ее весьма серьезной и перспективной.

Надеясь, что его изумление выглядит правдоподобно, Кальвин, без малого час назад еще бушевавший в кабинете Донатти, широко улыбнулся.

– погоди. Ты серьезно? – спросил он, хлопнув ее по спине. – Донатти пытался зарубить абиогенез? Наверняка тут с самого начала возникло какое-то недоразумение.

– Извини, что я тебе не призналась. Хотела решить вопрос своими силами и очень рада, что у меня получилось. Ощущение такое, что моя работа... то есть я... заслужила вотум доверия.

– Несомненно.

Она повнимательнее взглядела в его лицо и отступила на шаг назад:

– Я ведь сама разобралась с этим делом. Ты здесь ни при чем.

– Впервые слышу об этой истории.

– Ты ведь не ходил к Донатти, – настаивала она, – ты за меня не вступался.

– Клянусь тебе, – солгал он.

После ее ухода Кальвин в немом ликовании сцепил руки, а потом включил проигрыватель и опустил иглу на песню «On the Sunny Side of the Street»⁵. Он уже вторично выручал свою любимую, и что самое главное – она ни о чем не догадывалась.

Кальвин не глядя придвинул табурет, открыл тетрадь и начал записывать. Дневник он вел примерно с семи лет; в нем хранились факты и страхи его жизни, перемежавшиеся химическими формулами. Неразборчивые для постороннего глаза записи по сей день множились на тетрадных страницах у него в лаборатории. По этой, в частности, причине окружающие считали, что он многое успевает. Горы сворачивает.

– Как курица лапой, – сетовала Элизабет. – Вот это что? – Сейчас она указывала на тезисы какой-то теории, связанной с рибонуклеиновой кислотой: в течение последних месяцев это был его любимый конек.

– Гипотеза из области ферментативной адаптации, – ответил он.

– А дальше что?

Там начиналась какая-то запись о ней.

– Примерно то же самое, – сказал он, щелчком отодвигая дневник в сторону.

О ней не говорилось ничего плохого, отнюдь. Но Кальвин ни за что на свете не рискнул бы даже намеком дать ей понять, что одержим навязчивым страхом ее смерти.

Много лет назад он решил, и небезосновательно, что приносит беду всем, кто ему дорог: такие люди умирали один за другим, причем смерть всегда маскировалась под несчастный случай. Эту роковую цепь можно было прервать одним-единственным способом: перестать любить. И у него получилось. Но потом, встретив Элизабет, он против своей воли глупо, эгоистично вторгся. И теперь она стояла прямо на линии огня его злых чар.

Как химик, он понимал, что его заикленность на злых чарах не имеет под собой никакого научного основания – это банальное суеверие. Что ж, пусть так. Жизнь – это не гипотеза, которую можно раз за разом проверять без всяких последствий: в какой-то момент все неизбежно рухнет. Поэтому он был начеку и постоянно отслеживал те факторы, которые таили в себе угрозу для Элизабет: по состоянию на сегодняшнее утро таким фактором оказалась гребля.

Их двойка вновь опрокинулась, на сей раз по его вине, и они впервые вынырнули у одного и того же борта; в тот миг его осенила жуткая мысль: она же не умеет плавать. Когда она в панике по-собачьи замолотила по воде, до него дошло, что Элизабет за всю жизнь не взяла ни одного урока плавания.

По этой причине они с Шесть-Тридцать дождались, пока она скроется в туалете эллинга, и разыскали капитана мужской команды доктора Мейсона. На заливе в течение всего сезона свирепствовала непогода: для продолжения их с Элизабет тренировок – на которых она, между прочим, настаивала – им требовалось пересечь в восьмерку. В целях безопасности. Был и еще один плюс: если опрокинется восьмерка, рядом с Элизабет окажется куда больше спасателей. Попробовать стоило, тем более что Мейсон больше трех лет пытался заманить его к себе.

– Ты не передумал? – спросил он Мейсона. – Только тебе, конечно, придется взять нас обоих.

⁵ «On the Sunny Side of the Street» («На солнечной стороне улицы») – написанная в 1930 г. песня Джимми Макхью и Дороти Филдс, джазовый стандарт. Исполнялась Луи Армстронгом, Натом Кингом Коуллом, Дейвом Брубеком, Бенни Гудменом, Диззи Гиллеспи, Каунтом Бейси, Билли Холидей, Бингом Кросби, Эллой Фицджеральд, Джуди Гарленд, Фрэнком Синатрой и многими другими.

– Посадить *женщину* в мужскую восьмерку? – переспросил доктор Мейсон, поправляя кепку на коротко стриженной голове. Бывший морпех, он терпеть не мог службу. Но по-прежнему стригся под бокс.

– Она не подведет, – заверил Кальвин. – Воля железная.

Мейсон покивал. Не так давно он переквалифицировался в акушера-гинеколога. И уже понял, насколько волевыми бывают женщины. Но все-таки женщина?.. Неужели она впишется?

– Ты не поверишь, – через минуту заговорил с ней Кальвин. – Мужская команда зовет нас с тобой сегодня же пересесть к ним в восьмерку.

– Правда?

Элизабет с самого начала ставила себе такую цель. Похоже, восьмерки никогда не опрокидываются. Она утаила от Кальвина, что не умеет плавать. Зачем зря его тревожить?

– Ко мне только что обратился капитан команды. Он видел тебя в деле, – сказал Кальвин. – На талант у него – будь спокойна – глаз наметан.

У них под ногами часто задышал Шесть-Тридцать. *Врет, врет, ох и врет.*

– Когда начинать?

– Прямо сейчас.

– Что, уже?!

У Элизабет начался мандраж. Мечтая о восьмерке, она вместе с тем понимала, что там потребуется такой уровень слаженности, на который она пока не способна. Если команда добилась успеха, значит все ее участники сумели преодолеть свои отдельные предпочтения и разницу физических данных, чтобы грести как один. Полная гармония – вот конечная цель. Краем уха она слышала, как, беседуя с кем-то в эллинге, Кальвин упомянул своего кембриджского тренера: тот настаивал, чтобы гребцы даже моргали синхронно. К ее удивлению, его собеседник согласно покивал:

– Нам приходилось одинаково подпиливать ногти на ногах. От этого тоже многое зависело.

– Сядешь на второе место, – сказал он.

– Замечательно. – Элизабет понадеялась, что он не заметит, как бешено у нее трясутся руки.

– Рулевой будет выкрикивать команды; ты справишься. Просто следи за лопастью весла перед тобой. И ни при каком раскладе не переводи взгляд за габариты лодки.

– Подожди. Как я буду следить за лопастью чужого весла, не глядя за габариты лодки?

– Не смотри – и точка, – предупредил он. – Это сбивает с ритма.

– Но ведь...

– И не напрягайся.

– Я...

– Взяли! – прокричал рулевой.

– Не волнуйся, – сказал Кальвин. – Все будет хорошо.

Элизабет где-то читала, что людские тревоги на девяносто восемь процентов оказываются напрасными. А оставшиеся два процента? Что попадает в этот диапазон? Два процента – подозрительно низкий уровень. Она бы еще поверила, что тревоги сбываются в десяти или даже двадцати процентах случаев. Ее собственный жизненный опыт подсказывал – ближе к пятидесяти процентам. Она гнала от себя тревоги по поводу этой гонки, но ничего не могла с собой поделать. На пятьдесят процентов ее ожидал провал.

Когда они в темноте несли скиф к пирсу, идущий впереди нее парень обернулся через плечо, как будто хотел проверить, почему гребец, обычно сидевший на втором месте, вдруг стал ниже ростом.

– Элизабет Зотт, – представилась она.

- Разговорчики! – прокричал рулевой.
- Кто? – с подозрением переспросил парень.
- Сегодня я сижу на втором.
- Там сзади, отставить разговоры! – прокричал рулевой.
- На втором? – Парень не верил своим ушам. – Ты гребешь на втором?
- Какие-то проблемы? – в ответ прошипела Элизабет.

– Ты отлично вписалась! – воскликнул через два часа Кальвин, с таким азартом крутя руль автомобиля, что Шесть-Тридцать забеспокоился, как бы они не разбились по дороге домой. – Все так считают!

– Кто «все»? – спросила Элизабет. – Мне, например, никто ни слова не сказал.

– Ну знаешь, гребцы высказываются только от злости. Главное – что нас заявили на среду!

Он расплылся в торжествующей улыбке. Вновь ее выручил – сначала на работе, теперь здесь. По всей видимости, только так и можно побороть злой рок: путем тайных, но разумных мер предосторожности.

Элизабет отвернулась и стала смотреть в окно. Неужели команда гребцов – и впрямь группа равных? Или тут проявляется обычный благоговейный ужас обычных подозреваемых, то есть гребцы не менее ученых опасаются пресловутой злопамятности Кальвина?

Их путь домой лежал вдоль побережья; лучи восхода освещали с десятков серферов, чьи доски указывали в сторону берега, а головы поворачивались назад, пока еще оставалась надежда перед работой поймать пару-другую волн, и Элизабет вдруг сообразила, что никогда не видела проявлений его злопамятности.

– Кальвин, – окликнула она, поворачиваясь к нему, – почему тебя считают злопамятным?

– Ты о чем? – спросил он, не сумев сдержать улыбку. Тайная, разумная предосторожность. Решение житейских проблем!

– Сам знаешь, о чем я, – сказала она. – На работе поговаривают: кто против тебя выступит, того ты в порошок сотрешь.

– Ах вот оно что! – радостно ответил он. – Слухи. Сплетни. Зависть. Конечно, есть сотрудники, которые мне не по нутру, но неужели я стану их гнобить? Да ни за что.

– Ну допустим, – сказала она. – И все же мне любопытно. Есть ли в твоей жизни человек, которого ты никогда не простишь?

– Так сразу никто на ум не приходит, – игриво ответил он. – А у тебя? Есть кто-нибудь такой, кого ты готова ненавидеть всю жизнь?

Он повернулся, чтобы на нее посмотреть: лицо горит после тренировки, волосы влажные от океанской пены, вид серьезный. Она подняла перед собой пальцы, будто вела счет.

Глава 9

Злопамятство

Когда Кальвин уверял, что ни на кого не держит зла и не точит зуб, его слова следовало понимать так же, как расхожее утверждение тех, которые говорят, что забывают поесть. То есть как ложь. Как ни силился он делать вид, что оставил прошлое позади, оно никуда не делось и подтачивало ему сердце. Многие причиняли ему зло, но был только один человек, которого он не смог простить. Только один человек, которого он поклялся ненавидеть до самой смерти.

Впервые Кальвин увидел его в возрасте десяти лет. К воротам приюта для мальчиков подкатил длинный лимузин, из которого вышел тот самый мужчина. Рослый, ухоженный, элегантно одетый: его подогнанный по фигуре костюм и серебряные запонки совсем не вязались с пейзажем Айовы. Мальчишки, в том числе и Кальвин, прилипли к оgrade. Киноартист какой-то, решили все. Ну или профессиональный бейсболист.

Им было не привыкать. Раз в полгода приют посещали знаменитости, сопровождаемые репортерами, которые фотографировали гостя в окружении детишек. Порой визитеры оставляли в дар приюту пару бейсбольных перчаток или свои фотопортреты с автографами. Но у этого был с собой только портфель. Мальчишки отвернулись.

Однако примерно через месяц в приют стали доставлять посылки: учебные пособия по физике и химии, математические игры, наборы химических реактивов. Не в пример фотопортретам и бейсбольным перчаткам этих даров хватало на всех.

– Господь дает, – твердил священник, раздавая новехонькие учебники биологии. – Это значит, что вам, блаженным, следует прикусить язык и сидеть смиренно. А ну, вы там, за последней партой, сидите смиренно, кому сказано! – Он стукнул линейкой по ближайшей парте, да так, что все вздрогнули.

– Простите, святой отец, – сказал Кальвин, листая свой учебник, – тут что-то не то. Страницы вырваны.

– Не вырваны, Кальвин, а изъяты.

– Почему?

– Потому что они неверны, вот почему. А теперь, дети, откройте книги на странице сто девятнадцать. Начнем с...

– Про эволюцию все вырвано, – настаивал Кальвин, листая учебник.

– Хватит, Кальвин.

– Но...

Линейка больно ударила его по пальцам.

– Кальвин... – устало говорил епископ. – Что с тобой случилось? За эту неделю тебя направляют ко мне в четвертый раз. Кроме того, библиотекарь жалуется, что ты постоянно лжешь.

– Какой библиотекарь? – удивился Кальвин. Не может же быть, что епископ имел в виду пьяницу-священника, который вечно отлеживался в чулане, где хранилось скудное приютское собрание книг.

– По словам отца Амоса, ты похваляешься, будто перечитал все, что есть у нас на книжных полках. Ложь – это грех, а ложь, помноженная на бахвальство? Это совсем скверно.

– Но я действительно перечитал...

– Молчать! – рявкнул священник, нависая над мальчиком. – Есть люди, которые рождаются с гнилым нутром, – продолжал он. – От родителей, которые и сами с гнильцой. Но в твоём случае уж не знаю, откуда что взялось.

– Как это понимать?

– А вот как, – ответил священник и подался вперед, – есть у меня подозрение, что родился ты хорошим мальчиком, а потом испортился. Загнивать стал, – пояснил он, – в результате дурных поступков. Известно ли тебе, что красота исходит изнутри?

– Известно.

– Так вот, нутро у тебя – под стать уродству твоего вида.

Стараясь не расплакаться, Кальвин потирал опухшие костяшки пальцев.

– Неужели ты еще не научился быть благодарным за то, что имеешь? – продолжал епископ. – Лучше учебник с половиной страниц, чем никакого, так ведь? Боже правый, так я и знал, что неприятностей нам не миновать. – Оттолкнувшись от стола, он затопал по своему кабинету. – Книжки по естественным наукам, наборы для опытов. Чего только не примешь в дар, чтобы пополнить нашу казну. – Он в злобе развернулся к Кальвину. – А виноват только ты, – бросил он. – Мы бы не попали в такую переделку, если бы не твой папаша...

Кальвин вздернул голову.

– Ладно. – Священник вернулся к письменному столу и начал перебирать какие-то бумаги.

– Вы не вправе судить моего отца! – вспыхнул Кальвин. – Вы его даже не знали!

– Я волен судить, кого пожелаю, Эванс, – набычился священник. – И вообще: речь не о жертвах аварии на железной дороге. Я имею в виду того болвана, – подчеркнул он, – который навязал нам эти треклятые учебники. Заезжал сюда с месяц назад в своем лимузине – разыскивал десятилетнего мальчика, чьи приемные родители погибли под колесами поезда, а тетка врезалась в дерево; мальчика, по его словам, «наверняка очень рослого». Я сразу поспешил в кабинет и достал твое личное дело. Подумал: уж не тебя ли он разыскивает, словно утерянный чемодан, – после усыновлений такое случается. Но стоило мне показать ему твое фото, как он утратил всякий интерес.

От таких известий у Кальвина расширились глаза. Он – приемный ребенок? Быть такого не может. Родители есть родители, и не важно, погибли они или живы. Он глотал слезы и вспоминал свою счастливую жизнь: как гулял с отцом, крепко держась за его большую руку, как прижимался головой к теплой материнской груди. Епископ ошибается. Лжет. Воспитанникам всегда рассказывали, как они попали в приют Всех Святых: мать умерла при родах, отец так и не оправился от этой утраты, мальчик рос трудным ребенком, в семье и без него было много лишних едоков. А так – хоть на одного меньше.

– Заруби себе на носу, – священник декламировал как по писаному, – твоя родная мать умерла при родах, а твой родной отец не справлялся с житейскими трудностями.

– Я вам не верю!

– Вижу, – сухо отозвался епископ, вынимая из папки два документа: свидетельство об усыновлении и свидетельство о смерти какой-то женщины. – Юный естествоиспытатель требует подтверждений.

Сквозь пелену слез Кальвин разглядывал эти документы. И не мог разобрать ни единого слова.

– Вот и ладненько, – сцепив пальцы, сказал епископ. – Не сомневаюсь, это для тебя удар, Кальвин, но не унывай. У тебя действительно есть отец, и он печется о тебе – ну, по крайней мере, о твоём образовании. У других мальчиков и этого нет. Постарайся не задирать нос. Тебе повезло. Сперва ты обрел добрых приемных родителей, а теперь – богатого отца. Считай, что его подарок... – он запнулся, – это дань памяти. Знак уважения к твоей матери. Поминование.

– Но если это мой родной отец, – выговорил Кальвин, не веря своим ушам, – он захочет меня отсюда забрать. Он захочет, чтобы я жил вместе с ним.

Епископ, удивленно вытаращив глаза, смотрел на Кальвина сверху вниз.

– Что? Нет. Тебе ясно сказано: твоя мать умерла при родах, а отец не справлялся с житейскими трудностями. Мы с ним единодушно решили, что здесь тебе будет лучше. Такому ребенку, как ты, требуется соответствующее моральное окружение и строгая дисциплина. Многие обеспеченные люди отдают своих детей в пансионаты; приют Всех Святых – это примерно то же самое. – Он втянул носом кислые запахи, которыми повеяло с кухни. – Впрочем, он настаивал, чтобы мы расширили нынешние образовательные возможности. Что, с моей точки зрения, недопустимо, – добавил он, снимая с рукава клочок кошачьей шерсти. – Поучать нас, профессиональных воспитателей юношества, в вопросах воспитания! – Он поднялся со стула и, стоя спиной к Кальвину, стал смотреть в окно, на крышу, просевшую с западной стороны здания. – Но есть и хорошие новости: он оставил нам солидные средства – не только для тебя лично, но и для всех остальных мальчиков. Весьма великодушно. Причем его вспомоществование могло бы оказаться еще более щедрым, не распорядись он потратить его целиком на спорт и науку. Ох уж эти богатеи, господа прости. Вечно считают, что во всем разбираются лучше других.

– А он... он ученый?

– Кто сказал, что он ученый? – встрепенулся епископ. – Послушай. Он приехал, навел справки, уехал. Но все же выписал нам чек. Намного превышающий взносы большинства отцов-нищелюбов.

– А когда он вернется? – умоляюще спросил Кальвин: больше всего на свете ему хотелось, чтобы кто-нибудь – пусть даже незнакомец – забрал его из приюта.

– Поживем – увидим. – Епископ вновь повернулся к витражному окну. – Он не уточнял.

Кальвин уныло поплелся на урок, размышляя о том человеке – как бы заставить его вернуться. Он непременно должен появиться снова. Но если что и напоминало о нем, так это новые поступления учебных пособий по естествознанию.

И все же Кальвин, еще ребенок, цеплялся, как свойственно детям, за свою надежду, даже когда надежды не осталось. Он прочел все книги, которые прислал его новоявленный отец, впитывая их содержание, как самую любовь, сохраняя в своем израненном сердце алгоритмы и теории, намереваясь постичь ту химию, что крепко-накрепко связала его с отцом. Но, как самоучка, усвоил одно: сложности химии отнюдь не ограничиваются кровными узами, но переплетаются и пробуются на излом, причем нередко – самыми жестокими способами. А отсюда напрашивался вывод: этот, другой отец его бросил, даже не захотев повидать, да к тому же сама химия только множит обиду, которую не спрячешь и не перерастешь.

Глава 10

Поводок

Никогда еще Элизабет не держала домашних животных, да и сейчас не стала бы утверждать, что обзавелась питомцем. Шесть-Тридцать, конечно, не принадлежал к роду человеческому, но, видимо, был все же наделен определенной человечностью и в этом отношении превосходил почти всех ее знакомых.

Потому-то она и не стала покупать ему поводок: сочла, что это будет несправедливо. Даже оскорбительно. Ходил он всегда рядом, никогда не бросался опрометью через проезжую часть, не гонялся за кошками. Да и удрал только один раз, Четвертого июля, когда во время праздничных гуляний прямо у него под носом рванула петарда. После многочасовых поисков, не на шутку переволновавшись, они с Кальвином его нашли: съжившись от стыда, бедняга затаился среди мусорных бачков в глухом тупике.

Но когда в городе впервые был принят закон о выгуле собак, она волей-неволей стала пересматривать свои взгляды, хотя и по более запутанным причинам. По мере того как росла ее привязанность к собаке, росла и потребность привязать собаку к себе.

Так что купила она в конце концов поводок, повесила на крючок в прихожей и стала ждать, когда на эту покупку обратит внимание Кальвин. Но прошла неделя, а он так ничего и не заметил.

– Шесть-Тридцать обзавелся поводком... вот, пришлось купить, – объявила наконец Элизабет.

– Зачем? – удивился Кальвин.

– Таков закон, – сообщила она.

– Какой еще закон?

И когда она рассказала про новые правила, он только рассмеялся:

– А-а-а... вот ты о чем. Ну, это нас не касается. Это касается тех, у кого собаки не такие, как Шесть-Тридцать.

– Нет, это всех касается. Закон только что приняли. Я считаю, с ним лучше не шутить.

Кальвин улыбнулся:

– Не переживай. Шесть-Тридцать и я чуть ли не каждое утро мимо участка бегаем. Уже примелькались.

– Теперь все будет по-другому, – не унималась Элизабет. – Видимо, в связи с ростом смертности среди домашних животных. Все больше собак и кошек попадают под колеса. – Так ли это в действительности, она не знала, но чисто гипотетически могла допустить. – Короче, вчера я выгуливала его на поводке. Ему понравилось.

– О пробежке на поводке не может быть и речи. – Кальвин закатил глаза. – Кому охота постоянно быть на привязи. И вообще, он никогда от меня не отходит.

– От неприятностей никто не застрахован.

– Например?

– Он может выскочить на проезжую часть. Угодить под машину. А петарду помнишь? Я не за тебя беспокоюсь, – сказала она. – А за него.

Внутри у Кальвина потеплело. Ему открылась грань Элизабет, никак не проявлявшая себя ранее: материнский инстинкт.

– Кстати, – сказал он, – синоптики обещают грозы. Доктор Мейсон звонил – до конца недели тренировок не будет.

– Ох, как жаль, – вздохнула Элизабет, стараясь не выдать облегчения. Уже четыре раза она гребла в составе мужской восьмерки, но отказывалась признавать, что каждый заезд изматывал ее до предела. – А больше он ничего не сказал?

Ей не хотелось, чтобы Кальвин подумал, будто она напрашивается на комплименты, но доброе словцо еще никому не помешало. Доктор Мейсон казался порядочным человеком и никогда перед ней не заносился. Кальвин как-то обмолвился, что тот по специальности врач-акушер.

– Сказал, что заявил нас с тобой на следующую неделю, – ответил Кальвин. – И просит, чтобы мы подумали о весенней регате.

– То есть? О гонке?

– Вот увидишь: тебе понравится. Такая развлекуха.

На самом деле Кальвин был почти уверен, что ей, скорее всего, не понравится. Все-таки гонка – занятие для стрессоустойчивых. Страх проигрыша – это еще цветочки, а ведь надо понимать, что гребля весьма травмоопасна, что спортсмен после команды «Внимание!» рискует получить инфаркт, переломать себе пару ребер, сбить работу дыхательной системы, но готов на все ради заветной медальки, какие продаются в грошовых лавках. А вдруг придешь вторым? Только не это. Не зря же придумали звание «первого проигравшего».

– Заманчиво, – солгала она.

– Еще как, – солгал он в ответ.

– Весла отменили, забыла? – напомнил Кальвин два дня спустя, услышав, как Элизабет копошится в темноте. Он дотянулся до будильника. – Четыре утра. Ложись давай.

– Что-то не спится, – ответила Элизабет. – Пойду на работу пораньше.

– Да брось, – взмолился он. – Полежи со мной.

Откинув одеяло, он жестом пригласил ее вернуться.

– Поставлю картошку на медленный огонь, пусть запекается, – сказала Элизабет, обуваясь. – Тебе к завтраку как раз поспеет.

– Погоди, если ты собралась идти, то и я с тобой, – сказал он, зевая. – Через пару минут буду готов.

– Нет-нет, – запротестовала она. – Спи.

Проснулся он через час – один.

– Элизабет? – позвал он.

На кухонном столе осталась пара прихваток. «Картошка удалась, – говорилось в записке. – Скоро увидимся чмоки-чмоки Э.»

– Давай-ка сегодня пробежимся до работы, – услышал его призыв Шесть-Тридцать.

На самом деле пробежка ничуть его не прельщала, зато так они могли бы все вместе вернуться домой, в одной машине. И дело даже не в экономии топлива – он не мог избавиться от мысли, что Элизабет поедет за рулем в одиночку. Вдоль дороги столько деревьев. А эти железнодорожные переезды...

Впрочем, об этом он помалкивал: она бы разозлилась, узнав об излишней заботе и опеке с его стороны. А как же не беспокоиться о той, кого любишь больше всех на свете, любишь за гранью возможного? К тому же она сама проявляла не меньше заботы: следила, чтобы он вовремя поел, постоянно предлагала ему побегать дома в компании телевизионного гуру Джека, даже поводок приобрела – хоть стой, хоть падай.

Попавшаяся на глаза стопка счетов напомнила ему о необходимости разобраться с последним траншем корреспонденции от всяких проходимцев. Снова пришло письмо от женщины, выдававшей себя за его мать. «Мне сказали, что ты умер», – неизменно оправдывалась она. В другом письме какой-то полуграмотный тип утверждал, что Кальвин украл все его идеи,

а третьим заявлял о себе как пропавший с горизонта брат – просил денег. Удивительное дело, но никто и никогда не писал от имени его отца. Потому, быть может, что отец его все еще коптил небо, притворяясь, будто у него никогда не было сына.

Распрошавшись с приютом, Кальвин поведал о своей затаенной обиде на отца единственному на свете (не считая епископа) человеку – как ни странно, знакомцу по переписке. Между ними, никогда не встречавшимися, завязалась крепкая дружба. Потому, быть может, что обоим, как на исповеди, легче было разговаривать с невидимым собеседником. Но как только разговор зашел об отцах – уже после года регулярной переписки на самые разные темы, – все переменялось. Кальвин как-то обмолвился, что, дескать, был бы не прочь получить известие о смерти отца, но его друг по переписке, очевидно потрясенный, отреагировал неожиданным для Кальвина образом. Он перестал отвечать.

Кальвин подумал, что переступил некую черту: в отличие от него, приятель был человеком набожным; возможно, в церковных кругах выражение надежды на кончину родителя выходило за рамки допустимого. Но независимо от истинной причины их душевная переписка завершилась. Долгие месяцы Кальвин не мог оправиться.

Именно поэтому он решил не касаться темы своего неуспокойного отца в разговорах с Элизабет. Опасался, что она либо уподобится его уже бывшему другу и разорвет отношения, либо внезапно осознает его фатальный, по словам епископа, изъян – врожденную неспособность внушать любовь. Кальвин Эванс: уродлив как внутри, так и снаружи. Не зря же она отвергла его предложение руки и сердца.

Да и вообще, откройся он ей сейчас, она, чего доброго, спросит, почему он раньше молчал. А это уже опасно, ведь Элизабет может задуматься, нет ли у него каких-нибудь других тайн.

Нет, не все должно быть озвучено. К тому же она не докладывала ему о своих рабочих проблемах, было же такое? Ничего страшного, если между близкими есть один-два секрета.

Натянув свои старые треники, Кальвин порывлся в их общем ящике для носков, уловил легкий аромат ее духов и приободрился. Его никогда не тянуло к самосовершенствованию: он даже не дочитал книгу Дейла Карнеги о том, как заводить друзей и оказывать влияние на людей, поскольку уже на десятой странице осознал, что ему по барабану, как его воспринимают другие. Но то было до Элизабет – до того, как к нему пришло понимание: делая счастливой ее, он делает счастливым и самого себя. А это и есть, подумал он, доставая кроссовки, самая суть любви. Желание измениться в лучшую сторону ради другого.

Когда он наклонился и стал завязывать шнурки, у него в груди всколыхнулось новое ощущение. Чувство благодарности? Рано осиротевший, никогда прежде не любимый, непривлекательный Кальвин Эванс, он всеми правдами и неправдами обрел эту женщину, эту собаку, эту область науки, греблю, бег трусцой, Джека, в конце концов. Обрел намного больше, чем смел ожидать, намного больше, чем заслуживал.

Он посмотрел на часы: восемнадцать минут шестого. Элизабет как раз сидит на табурете, а ее центрифуги работают в полную силу. Он свистнул Шесть-Тридцать, чтобы тот ждал его у входной двери. Расстояние до работы – чуть больше пяти миль – во время совместной пробежки преодолевалось за сорок две минуты. Но когда он отворил дверь, Шесть-Тридцать заколебался. На улице было темно и дождливо.

– Давай, дружок, – поторопил его Кальвин. – Ну, в чем дело?

И тут же вспомнил. Он обернулся к вешалке, снял поводок, наклонился и пристегнул его к ошейнику. Впервые надежно связанный с собакой, Кальвин запер за собой дверь.

Через тридцать семь минут его не стало.

Глава 11

Сокращение бюджета

– Давай, дружище, – повторно услышал Шесть-Тридцать от Кальвина. – Погнали.

Пес занял свою обычную позицию на пять шагов впереди хозяина, но то и дело оглядывался, как будто желая убедиться, что Кальвин не отстает. Свернув направо, они пробежали мимо газетного киоска. «ГОРОДСКОЙ БЮДЖЕТ НА ИСХОДЕ, – кричал заголовок. – ПОД УДАРОМ ПОЛИЦИЯ И ПРОТИВОПОЖАРНАЯ СЛУЖБА».

Кальвин подтянул поводок, и Шесть-Тридцать свернул налево, в старый район с величественными особняками и необъятными, как океан, лужайками.

– Дай срок – мы тоже сюда переберемся, – заверил он пса, когда они сбавили темп. – Вероятно, после того, как я получу Нобеля. – (А Шесть-Тридцать в этом и не сомневался: ведь Элизабет говорила, что так оно и будет.)

На следующем повороте Кальвин уже набрал прежнюю скорость, но чуть не поскользнулся на мшистом острове.

– Пронесло, – выдохнул он; на горизонте появился полицейский участок.

Шесть-Тридцать разглядывал патрульные машины, выстроившиеся в шеренгу, как солдаты перед смотром.

Но машинам смотр не грозил. Просто управление полиции в очередной раз – третий за последние четыре года – пострадало от сокращения бюджета. И все три сокращения осуществлялись в рамках инициативы «Работай больше, расходуй меньше!» – этот девиз придумал некий чиновник среднего звена из городского отдела по связям с общественностью. На сей раз тучи нависли над полицией. Зарплаты давно урезали. Продвижения по службе упразднили. Оставалось ждать сокращения штатов.

Чтобы избежать отставки, сотрудники полиции пошли на крайность: по-своему истолковав инициативу «Работай больше, расходуй меньше!», они засунули ее туда, где ей самое место: на стоянку патрульных машин. Пусть все последствия сокращения бюджета лягут на плечи железных коней. Никакого им тюнинга, ни замены масла, ни регулировки тормозов, ни шиномонтажа, ни замены лампочек, ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.